

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

---

4 (05)

И 33

Р179980

ОТДЕЛЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

BULLETIN
DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS

CLASSE DES SCIENCES
LITTÉRAIRES ET LINGUISTIQUES

ТОМ III

ВЫПУСК I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1944 MOSCOU

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ и ЯЗЫКА

BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS

CLASSE DES SCIENCES LITTÉRAIRES et LINGUISTIQUES

Том III

179980.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1944 MOSCOU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Ответственный редактор
акад. И. И. МЕЩАНИНОВ**

**Члены редакции: акад. И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ,
член-корр. П. И. ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ
акад. С. П. ОБНОРСКИЙ**

Ученый секретарь проф. С. Г. БАРХУДАРОВ

ЛЕНИН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

Первостепенное значение ленинского теоретического наследия для дальнейшего развития всех отраслей знаний уже давно осознано советской наукой. В литературоведении не мало сделано для систематизации и первоначального комментирования литературных суждений Ленина, а также для методологического теоретико-литературного применения ленинских работ. Однако ряд важных тем с должной полнотой еще не разработан. К таким относится вопрос о Ленине и русской литературе. Эта тема обширная и сложная, и в краткой статье исчерпать ее содержание невозможно. Не претендуя на всесторонний анализ проблемы, мы хотели бы только поставить некоторые вопросы, связанные с этой темой, нуждающейся в глубоком дальнейшем изучении.

Прежде всего возникает законный вопрос о влиянии русской литературы на Ленина. Необходимо подчеркнуть, что влияние на Владимира Ильича Ленина, гениального продолжателя учения Маркса и Энгельса, западноевропейского научного социализма теснейшим образом сочетается с воздействием на Владимира Ильича Ленина русской культуры и литературы. Воздействие это было чрезвычайно глубоким, прочным и сильным. Оба эти источника содействовали формированию мировоззрения Ленина.

Атмосфера живых литературных интересов окружала Ленина с самого раннего возраста. Симбирск (ныне Ульяновск) — город с богатым литературным прошлым. Здесь проживали Карамзин, Дмитриев, Языков, Гончаров, Минаев, Анненков. В семье Ленина литературные интересы занимали важнейшее место.

Отец Ленина был не только мыслящим, но и широко образованным человеком. «Он следил за литературой по своей специальности и много читал вообще. В его библиотеке можно было найти журналы: «Русский народный учитель», «Семья и школа», «Начальная школа», «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы»; различные педагогические монографии и исследования, сочинения выдающихся русских педагогов — Ушинского и Водовозова. Тут же Некрасов, Добролюбов, Чернышевский, Салтыков-Щедрин...

Взрослые дети имели свои личные библиотеки (на русском и иностранных языках), в соответствии с потребностями и уровнем развития каждого из них.

Лучшие произведения классической литературы были настольными книгами в семье Ульяновых. Любимым поэтом Александра Ильича в детстве был Пушкин. Владимир Ильич очень любил Тургенева и перечитывал его книги по несколько раз»¹.

¹ Р. Ковнатор. Мать Ленина. Куйбышев, 1943, стр. 11.

К гимназическим временам относится увлечение Владимира Ильича Чернышевским. Оно началось с чтения романа «Что делать?»

«В старших классах гимназии Анна Ильинична и Александр Ильич, как впоследствии и Владимир Ильич, пережили полосу увлечения Писаревым — властителем дум тогдашней молодежи. Молодые Ульяновы прочитали его «от доски до доски». Писарев был запрещен в библиотеках, и они брали его у одного знакомого врача. Анна Ильинична рассказывает: «Мы так увлеклись, что испытали глубокое чувство грусти, когда последний том был дочитан и мы должны были сказать «прости» нашему любимцу».

В Кокушкине, во время прогулок с детьми по полям, Илья Николаевич любил петь песню на слова стихотворения Рылеева:

...По духу братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба!
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.
Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И, верю, тотчас отзовется
На неподкупный голос мой.

Во время этих прогулок декламировали из любимых поэтов — Некрасова, Пушкина, Лермонтова; взрослые с ребятами хором пели запрещенные «Песню Еремушки», «Утес Стеньки Разина»¹.

Все это характеризует литературные интересы семьи Ульяновых.

По свидетельству Персиянинова, учившегося вместе с Лениным в гимназии, Владимир Ильич в юношеские годы увлекался беллетристикой и в частности Толстым.

Живое и непрестанное внимание Ленина к русской литературе в зрелые годы на всем протяжении его деятельности подчеркивается хотя бы тем обстоятельством, что публицистика Ленина в изобилии насыщена литературными цитатами, образами и формулами, почерпнутыми из русских авторов. Из 925 литературных цитат, зарегистрированных у Ленина², 786 цитат приходится на русскую литературу.

К этому необходимо добавить следующее. К литературным цитатам можно, конечно, подходить как к приему публицистического мастерства Ленина, свидетельствующему об огромной и разносторонней начитанности Ленина. Здесь, однако, сказывается и другое, не менее важное обстоятельство. Литературные цитаты у Ленина свидетельствуют о том, что образы русской художественной литературы были для Ленина привычной интеллектуальной атмосферой, привычной стихией, привычной и устойчивой формой мышления и выражения. Синтетические нравственные оценки, заключенные в наиболее ярких и общезначимых художественных формулах русской классической литературы, были для Ленина привычным средством выражения отношения к миру.

Когда Ленин упоминает о судьях, прошедших «всю длинную школу чиновничьей лямки», и говорит, что это «настоящие дьяки, в приказах поседелье» (Соч., т. IV, стр. 85); когда он иронически характеризует невежд, выражающих свои суждения «с ученым видом знатока» (т. XVII, стр. 157); когда несколько видоизмененную реплику Чацкого «есть тыма охотников, мы не из их числа» он использует для того, чтобы

¹ Р. Ковнатор. Мать Ленина. Куйбышев, 1943, стр. 16—17.

² А. Цейтлин. Литературные цитаты Ленина. ГИХЛ, 1934, стр. 17.

провести демаркационную линию между большевистской последовательностью и эклектизмом своих противников; когда он многократно прибегает к известной реплике Базарова — «Друг мой Аркадий Николаевич! Об одном я тебя прошу: не говори красиво» для разоблачения пустой и бессодержательной фразеологии, — перед нами, в сущности, не литературные цитаты как осознанный прием публицистического мастерства, а привычная, постоянная и устойчивая форма мышления и выражения, доказывающая, как органичен был в ленинском литературном стиле, в ленинском мышлении материал русской литературы. Об этой же органичности свидетельствует применение Лениным персонажей русской литературы. Молчалинский оппортунизм, репетиловская шумливая фразистость, двуличие эксплуататорских классов, уподобляемых «волку в овечьей шкуре», полицейские держиморды, маниловское прекраснотушие либералов, черносотенные Собакевичи, Иудушка-Троцкий и т. д. — сама устойчивость и повторяемость этих формул доказывает их органичность для Ленина.

вся публикация Ленина, пронизанная обобщающими художественными характеристиками, свидетельствует о том, насколько прочным было воздействие русской литературы на Ленина.

Воздействие это было глубоким и разносторонним. Н. К. Крупская так характеризует влияние, которое оказал на Ленина один из величайших русских писателей и мыслителей — Н. Г. Чернышевский. «В своих статьях и книжках, — подчеркивает Крупская, — Владимир Ильич никогда прямо не говорил об этом влиянии, но каждый раз, когда он говорил о Чернышевском, его речь вспыхивала страстностью. Когда просматриваешь сочинения Владимира Ильича, то видишь, что те места, в которых он говорил о Чернышевском, написаны как-то особенно горячо. В брошюре Ленина «Что делать?» есть косвенное указание на влияние Чернышевского. Говоря о периоде, предшествовавшем созданию партии, о периоде между 1894 и 1898 гг., когда рабочее движение стало быстро развиваться, приняло массовый характер, Ленин указывает на то, что молодежь, которая примкнула к этому движению, развилась и воспитывалась под обаянием революционной деятельности предшествующих революционеров и что ей стоило большой внутренней борьбы идейно высвободиться из-под их влияния и пойти по другому пути, по пути марксизма. В этой характеристике есть автобиографический момент».

Н. К. Крупская конкретизирует, в чем выразилось влияние Чернышевского на Ленина: «Как личность Чернышевский повлиял на Владимира Ильича своей выдержанностью, тем, с какой гордостью переносил он свою неслыханно тяжелую судьбу. И все то, что сказано о Чернышевском Владимиром Ильичом, дышит особым уважением к его памяти». Крупская отмечает, что Чернышевский помог Ленину перевести Маркса на язык русских фактов: «Маркс был переведен на русский язык еще в 60-х годах. Но надо было еще Маркса перевести на язык русских фактов. Это сделал Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России». Он смог это сделать благодаря влиянию на него Чернышевского. Владимир Ильич несколько раз упоминал о том, как хорошо Чернышевский знал русскую действительность, как хорошо он знал факты, касающиеся выкупа крестьян и т. д.

Если мы посмотрим на все эти моменты, то увидим, какое глубокое влияние имел Чернышевский на Ленина, на всю его революционную деятельность. Отсюда понятно и отношение Ленина к Чернышевскому. В Сибири у Владимира Ильича был альбом, в котором были карточки

всех писателей, которые имели на него особо сильное влияние. Там, наряду с Марксом и Энгельсом, наряду с Герценом и Писаревым, были две карточки Чернышевского, а также карточка Мышкина, который пытался освободить Чернышевского. А затем в последующее время, уже в Кремле, в кабинете Владимира Ильича, в числе тех авторов, которых он хотел иметь постоянно под руками, наряду с Марксом, Энгельсом и Плехановым, стояло и полное собрание сочинений Чернышевского, которые Владимир Ильич в свободные промежутки времени читал вновь и вновь»¹. Для Ленина Чернышевский был наиболее ярким выразителем тех прогрессивных течений русской общественной мысли, которые подготавливали торжество марксизма.

Об исторической преемственности русской общественной мысли, об отношении русских революционных марксистов к русским просветителям Ленин с исчерпывающей точностью рассказал в статье «От какого наследства мы отказываемся».

Эта работа имеет исключительно важное значение для уяснения вопроса о влиянии русской литературы на Ленина. Работа была направлена против народников, которые пытались борьбу марксистов против народничества представить как разрыв с лучшими традициями лучшей части русского общества. Ленин, напротив, доказывает, что революционные марксисты («ученики») являются более верными хранителями наследства русских просветителей, лучших традиций лучшей части русского общества, нежели народники.

В главе «Просветители, народники и «ученики» Ленин пишет:

«Мы можем теперь подвести итоги нашим параллелям. Попытаемся охарактеризовать вкратце отношения каждого из указанных в заголовке течений общественной мысли друг к другу.

Просветитель верит в данное общественное развитие, ибо не замечает свойственных ему противоречий. Народник боится данного общественного развития, ибо он заметил уже эти противоречия. «Ученик» верит в данное общественное развитие, ибо он видит залог лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий. Первое и последнее направление стремится поэтому поддержать, ускорить, облегчить развитие по данному пути, устранить все препятствия, мешающие этому развитию и задерживающие его. Народничество, наоборот, стремится задержать и остановить это развитие, боится уничтожения некоторых препятствий развитию капитализма. Первое и последнее направление характеризуется тем, что можно бы назвать историческим оптимизмом: чем дальше и чем скорее дела пойдут так, как они идут, тем лучше. Народничество, наоборот, естественно ведет к историческому пессимизму: чем дальше дела пойдут так, тем хуже. «Просветители» вовсе не ставили вопросов о характере пореформенного развития, ограничиваясь исключительно войной против остатков дореформенного строя, ограничиваясь отрицательной задачей расчистки пути для европейского развития России. Народничество поставило вопрос о капитализме в России, но решило его в смысле реакционности капитализма и потому не могло целиком воспринять наследства просветителей: народники всегда вели войну против людей, стремившихся к европеизации России вообще, с точки зрения «единства цивилизации», вели войну не потому только, что они не могли ограничиться идеалами этих людей (такая война была бы справедлива), а потому, что они не хотели идти так

¹ Н. Круппская. Воспоминания о Ленине. Гиз, 1941.

далеко в развитии данной, т. е. капиталистической, цивилизации. «Ученики» решают вопрос о капитализме в России в смысле его прогрессивности и потому не только могут, но и должны целиком принять наследство просветителей, дополнив это наследство анализом противоречий капитализма с точки зрения бесхозяйных производителей. Просветители не выделяли, как предмет своего особенного внимания, ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже и о нации вообще. Народники желали представлять интересы труда, не указывая однако определенных групп в современной системе хозяйства; на деле они становились всегда на точку зрения мелкого производителя, которого капитализм превращает в товаропроизводителя. «Ученики» не только берут за критерий интересы труда, но при этом указывают совершенно определенные экономические группы капиталистического хозяйства, именно бесхозяйных производителей. Первое и последнее направление соответствуют, по содержанию своих пожеланий, интересам тех классов, которые создаются и развиваются капитализмом; народничество по своему содержанию соответствует интересам класса мелких производителей, мелкой буржуазии, которое занимает промежуточное положение среди других классов современного общества. Поэтому противоречивое отношение народничества к «наследству» вовсе не случайность, а необходимый результат самого содержания народнических воззрений: мы видели, что одна из основных черт воззрений просветителей состояла в горячем стремлении к европеизации России, а народники никак не могут, не переставая быть народниками, разделить вполне этого стремления.

В конце концов мы получили, следовательно, тот вывод, который не раз был уже нами указан по частным поводам выше, именно, что ученики — гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники»¹.

Ленин, таким образом, доказывает, что по важнейшим и основным вопросам русского общественного развития революционные марксисты считают себя верными и последовательными хранителями наследства русских просветителей, точку зрения которых они полагают своим долгом развивать и разрабатывать дальше. Может показаться, что Ленин говорит только о политической публицистике, а не о художественной литературе. Однако это не так. Тот круг просветительских идей, наследниками которых Ленин считает революционных марксистов, — исторический оптимизм, борьба против остатков крепостничества, защита европеизации русской жизни, отстаивание интересов труда — характеризует самые широкие течения прогрессивной русской литературы. Именно это обстоятельство и подчеркивает Ленин.

«Как и просветители западно-европейские, как и большинство литературных представителей 60-х годов, Скалдин одушевлен горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян... ..Эти три черты и составляют суть

¹ Ленин. Соч., т. II, стр. 330.

того, что у нас называют «наследством 60-х годов», и важно подчеркнуть, что ничего народнического в этом наследстве нет. Есть не мало в России писателей, которые по своим взглядам подходят под указанные черты и которые не имели никогда ничего общего с народничеством. При наличии в миросозерцании писателя указанных черт, его всегда и все признают «сохранившим традиции 60-х годов», совершенно независимо от того, как он относится к народничеству»¹.

Сам Ленин указывал на то, какой широкий круг писателей выражал лучшие традиции русского народа. Цитируя известные стихи Некрасова

...Придет ли времячко
(Приди, приди, желанное!),
Когда народ не Блюхера
И не милорда глупого,
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

Ленин говорит о том, что демократическая литература была пропитана «теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси»². Таким образом, не только идеи Некрасова и Белинского, но и содержание творчества Гоголя дорого «каждому порядочному человеку на Руси». Это те идеи, то содержание, которое составляло сущность русского просветительства, это то идейное наследие, которое характеризовало всю прогрессивную русскую литературу и которое оказало огромное влияние на Ленина и на формирование революционного марксизма в целом.

Будучи за границей, Ленин особенно внимательно и пытливо следил за художественной жизнью России. В письме к М. А. Ульяновой из Мюнхена он спрашивает:

«Бываете ли в театре? Что это за новая пьеса Чехова Три сестры. Видели ли ее и как нашли? Я читал отзыв в газетах. Превосходно играют в «Художественном — общедоступном» — до сих пор вспоминаю с удовольствием свое посещение в прошлом году вместе с беднягой Колумбом. Здоров ли он? Все собираюсь написать ему, да дела мешают». Большое чувство удовольствия доставляет ему русское искусство в годы вынужденного пребывания на чужбине.

«Мы с Надей здоровы,— пишет Владимир Ильич из Лондона,— и живем по старому; потихоньку и помаленьку. Недавно были первый раз за эту зиму в хорошем концерте и остались очень довольны,— особенно последней симфонией Чайковского (Simphonie pathétique). Бывают ли у Вас в Самаре хорошие концерты? В театре немецком были раз,— хотелось бы в русский Художественный, посмотреть «На Дне»...» Наиболее показательны в этом смысле письмо Н. К. Крупской к М. А. Ульяновой из Кракова:

«Без чего мы прямо тут голодаем — это без беллетристики. Володя чуть не наизусть выучил Надсона и Некрасова, разрозненный томик Анны Карениной перечитывается в сотый раз. Мы беллетристику нашу (ничтожную часть того, что было в Питере) оставили в Париже, а тут

¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 314.

² Ленин, Соч., т. XVI, стр. 132.

негде достать русской книжки. Иногда с завистью читаем объявления букинистов о 28 томах Успенского, 10 томах Пушкина и пр. и пр.»¹.

В своих воспоминаниях Горький отметил в Ленине черту гордости русским искусством.

«Я нередко подмечал в нем черту гордости русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно-чуждой Ленину, и даже наивной, но потом я научился слышать в ней отзвук глубоко скрытой, радостной любви к рабочему народу».

II

Глубоко ошибаются те, кто утверждает, будто Ленин любил только писателей отчетливо выраженного революционного миросозерцания или сатирико-обличительного направления. Общеизвестно, что самым любимым поэтом Ленина был Пушкин. Общеизвестно, как любил Ленин Толстого и Тургенева, чрезвычайно показательны его симпатии к Баратынскому и особенно к Тютчеву, хотя ни отчетливо выраженным революционным миросозерцанием, ни обличительным духом эти писатели не отличались. Необходимо, однако, отметить, что Ленин любил русскую литературу и гордился ею не только потому, что это была русская литература, но потому, что она, как ни одна литература в мире, выразила с предельной полнотой и силой прогрессивные традиции своего народа.

В этой связи необходимо подчеркнуть одно чрезвычайно важное обстоятельство. Ленин не просто высоко ценил русскую литературу, он активно и энергично боролся за нее, он боролся против попыток принизить ее значение, против посягательств на нее со стороны реакционных кругов, против стремления опоздлить и фальсифицировать те идеи и образы, которые «дороги были каждому порядочному человеку на Руси». Некоторые страницы и эпизоды этой борьбы Ленина за русскую литературу особенно поучительны.

Мы имеем в виду, прежде всего, ту острую и последовательную борьбу, которую вел Ленин против «Вех», в защиту русской литературы и русской демократии. Сборник «Вехи», вышедший в 1909 г., по своему существу демонстративно и резко порывал со всеми основными традициями русской демократии.

Авторы сборника отвергали демократический и освободительный пафос русской литературы: «Потребность в целостном общественно-философском миросозерцании — основная потребность нашей интеллигенции: в годы юности, и властителями ее дум становились лишь те, которые из общей теории выводили санкцию ее освободительных общественных стремлений, ее демократических инстинктов, ее требований справедливости во что бы то ни стало. В этом отношении классическими «философами» интеллигенции были Чернышевский и Писарев в 60-е годы, Лавров и Михайловский в 70-е годы».

«Веховцы» высмеивали героический характер русской литературы, ее идеи самоотверженного служения народу.

«Интеллигенция стала по отношению к русской истории и современности в позицию героического вызова и героической борьбы, опираясь при этом на свою самооценку. Героизм — вот то слово, которое выражает по моему мнению, основную сущность интеллигентского мировоззрения».

¹ Ленин. Письма к родным, 1934, стр. 262, 289—290, 396—397.

и идеала, притом героизм самообожания. Вся экономия ее душевных сил основана на этом самочувствии».

В гуманизме русской литературы «веховцы» усматривали попытку разрыва с историческими традициями.

«Гуманистический процесс есть презрение к отцам, отвращение к своему прошлому и его полное осуждение, историческая и нередко даже просто личная неблагодарность, узаконение духовной распри отцов и детей. Герой творит историю по своему плану, он как бы начинает из себя историю, рассматривая существующее, как материал или пассивный объект для воздействия. Разрыв исторической связи в чувстве и воле становится при этом неизбежен».

Русскую демократию «веховцы» изображали как беспочвенных одиночек, не имеющих никакой связи с народом:

«Сонмище больных, изолированное в одной стране. — вот что такое русская интеллигенция».

И отсюда логический вывод: «Народ ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»¹.

Таким образом, «Вехи» по всей линии выступали против самых основ демократического миросозерцания, демократической литературы. Политическую сущность выступления «веховцев» Ленин разоблачил с исчерпывающей ясностью.

«Энциклопедия либерального ренегатства, — писал он, — охватывает три основные темы: 1) борьба с идейными основами всего миросозерцания русской (и международной) демократии; 2) отречение от освободительного движения недавних лет и обливание его помоями; 3) открытое провозглашение своих «ливрейных» чувств (и соответствующей «ливрейной» политики) по отношению к октябристской буржуазии, по отношению к старой власти, по отношению ко всей старой России вообще»².

За всеми фразами об интеллигенции Ленин разглядел основной идейный смысл выступления «веховцев» — разрыв с традициями и принципами русской демократии, стремление развенчать и дискредитировать ее вождей; и особенно Белинского и Чернышевского. Цитируя Бердяева, который отдает предпочтение Юркевичу перед Чернышевским, Ленин пишет: «Вполне естественно, что стоя на этой точке зрения, «Вехи» неустанно громят атеизм «интеллигенции» и стремятся со всей решительностью и во всей полноте восстановить религиозное миросозерцание. Вполне естественно, что, уничтожив Чернышевского, как философа, «Вехи» уничтожают Белинского, как публициста».

Особенно подробно останавливается Ленин на тезисе «веховцев» о том, что русская демократическая литература чужда народу, не имеет прочных корней в стране и не выражает интересов самых широких социальных слоев России. В противовес этому Ленин горячо отстаивает мысль о народности русской литературы, о ее органической связи с освободительной борьбой народных масс. Ленин пишет:

«Письмо Белинского к Гоголю, вещают «Вехи», есть «пламенное

¹ «Вехи», 1909 г., стр. 5, 37, 55, 87, 89.

² Ленин. Соч., т. XIV, стр. 218.

и классическое выражение интеллигентского настроения». «История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар».

Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть «интеллигентское» настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, «сплошной кошмар». Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?

«Московские ведомости» всегда доказывали, что русская демократия, начиная хотя бы с Белинского, отнюдь не выражает интересов самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями, а выражает только «интеллигентское настроение».

Программа «Вех» и «Московских ведомостей» одинакова и в философии, и в публицистике. Но в философии либеральные ренегаты решились сказать всю правду, раскрыть всю свою программу (война материализму и материалистически толкуемому позитивизму; восстановление мистики и мистического мирозерцания), а в публицистике они веляют, вертятся, иезуитничают. Они порвали с самыми основными идеями демократии, с самыми элементарными демократическими тенденциями, но делают вид, что рвут только с «интеллигентщиной»¹.

Выступление Ленина против «Вех» было не только актом борьбы с политическим ренегатством либеральной буржуазии, но и актом защиты русской литературы от реакционных и клеветнических попыток опозлить и исказить ее подлинный облик.

К ленинским выступлениям того же порядка следует отнести и известную статью его «Памяти Герцена». Здесь, однако, дело обстояло сложнее. Если Белинского и Чернышевского реакционеры различных оттенков начисто отвергали, то Герцена в начале XX века, напротив, пытались сделать знаменем либеральной умеренности.

«Герцен, — писала «Неделя», — в самой сути своего мировоззрения был несовместим с теми крайностями, с той узкой партийностью, которыми страдали и страдают многие, думавшие быть его продолжателями».

«Герцен — психологический мост между русским либерализмом и славянофильством», — утверждало «Новое время».

«Сейчас у Герцена нет врагов в России», — писала газета «Россия». «Московские ведомости» поучали «радикалов», что не революционные взгляды Герцена следует поднимать на щит и что дорог Герцен, «отрезвленный ужасами революции».

Особенно широко развернулась эта фальсификаторская деятельность в 1912 г. — в столетие со дня рождения Герцена. И правая и либеральная печать пытались в Герцене найти оправдание своему политическому отступничеству. Струве в речи на заседании кружка им. Герцена 27 марта 1912 г. утверждал, что Герцен разочаровался в революции, потому что не мог совместить с ней аристократическую мечту о преобразенном мире. Герцена Струве рисует как эволюциониста, смело отбрасывающего «ложь революционной фразеологии».

¹ Ленин. Соч., т. XIV, стр. 219.

Кизеветтер видел в Герцене «надежнейшее лекарство и от политического мечтательного романтизма и от бесплодной прострации, порождаемой временными политическими разочарованиями». Под «политическим мечтательным романтизмом» Кизеветтер разумел, естественно, веру в революцию. Примерно в тех же выражениях говорил П. Милуков: «Герцен спасителен как от мистической туманной романтики, так и от наивного революционизма»,

Выступления этого рода имел в виду Ленин, когда писал:

«Минуло сто лет со дня рождения Герцена. Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличается революционер Герцен от либерала. Понимает Герцена и правая печать, облыжно уверяя, что Герцен отрекся под конец жизни от революции. А в заграничных, либеральных и народнических, речах о Герцене царит фраза и фраза»¹.

Отвергнув юбилейную фразеологию, которая принижала и опошляла великого писателя, Ленин воссоздал истинный, не искаженный образ Герцена во всей его подлинной исторической силе. Ленин поистине показал мировое значение деятельности Герцена.

Это мировое значение Герцена Ленин усматривал как в философской, так и в социально-политической его деятельности. Ленин отмечал исключительную ценность философских работ Герцена.

«В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени»².

В скептицизме Герцена, в его духовном кризисе под влиянием трагического исхода революции 1848 г. Ленин видел не отступничество от революции, а внутренний, хотя и противоречивый, рост, отражение целой эпохи в развитии мировой общественной мысли. «Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирноисторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела. Этого не поняли и не могли понять рыцари либерального российского языкоблудия, которые прикрывают теперь свою контрреволюционность цветистыми фразами о скептицизме Герцена»³.

«У Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата»⁴.

Ленин отмечал, что при всех колебаниях Герцена демократ брал в нем верх над либералом.

«Отсюда видно, как низко и высоко клеветают на Герцена оклевавшие в рабьей «легальной» печати наши либералы, возвеличивая слабые стороны Герцена и умалчивая о сильных. Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидел его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции»⁵.

¹ Ленин. Соч., т. XV, стр. 464.

² Там же.

³ Там же, стр. 465.

⁴ Там же.

⁵ Ленин. Соч., т. XV, стр. 468.

Подытоживая деятельность Герцена, Ленин отмечал, что это был писатель, сыгравший великую роль в подготовке русской революции. В этом заключается высшая оценка исторического значения Герцена.

Тот же принцип борьбы за русскую литературу лежит в основе ленинских статей о Толстом. Ленин отстаивает Толстого от юбилейных славословий правой и либеральной печати, которая стремилась, по существу, затемнить в Толстом то подлинно великое и бессмертное, что ставило его в ряды первых писателей мира. Ленин писал: «Легальная русская пресса, переполненная статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого, всего меньше интересуется анализом его произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее. Вся эта пресса до тошноты переполнена лицемерием, лицемерием двоякого рода: казенным и либеральным»¹.

Уже в этом общем положении Ленина заключено указание на то, где следует искать ключ к пониманию мирового значения Толстого как художника и мыслителя. Анализ его произведений с точки зрения характера русской революции — таково исходное положение Ленина. Ленин показал, что Толстой отражал особенности русской революции, ее силу и слабость, ее размах и ее противоречия. В народности Толстого, в его кровной связи с борьбой народа видел Ленин источник творческой мощи Толстого. «Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого»².

Ленин полагал, что попытки как правой, так и либеральной печати присвоить себе Толстого, сделать его своим знаменем несостоятельны и фальшивы, ибо Толстой чужд и враждебен ей по самому существу своего творчества. Ленин отмечал, что «напыщенные фразы о «великом богоискателе» — одна сплошная фальшь, ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует»³. И хотя «веховцы» противопоставляли Толстого «интеллигентам» и объявляли его, таким образом, своим, Ленин со всей категоричностью подчеркнул невозможность одновременного сочувствия Толстому и «веховцам», так как Толстой и «веховцы» — полярные противоположности. «Либералы, — писал Ленин, — горой за Толстого, горой против Синода — и, вместе с тем, они за... «веховцев»⁴.

Отметив чуждость и враждебность Толстого официальной, монархической России, Ленин раскрыл величие Толстого как выразителя народных интересов, который «сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования»⁵.

Ленин неоднократно отмечал мировое значение творчества Толстого.

«Русские рабочие почти во всех больших городах России уже откликнулись по поводу смерти Л. Н. Толстого и выразили, так или иначе, свое отношение к писателю, который дал ряд самых замечательных

¹ Ленин. Соч., т. XII, стр. 331.

² Ленин. Соч., т. XIV, стр. 407—408.

³ Ленин. Соч., т. XII, стр. 331.

⁴ Ленин. Соч., т. XIV, стр. 403.

⁵ Там же, стр. 400.

художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира»¹. Известно, с какой гордостью говорил Ленин о Толстом. В воспоминаниях Горького это зафиксировано с большой яркостью.

«— Какая глыба, а? Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник!.. И, — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазами, спросил:

«Кого в Европе можно поставить рядом с ним?»

Сам себе ответил:

«Никого».

Замечательнейшей особенностью ленинского анализа Толстого является то, что Ленин в мировом значении Толстого увидел отражение мирового значения России, мирового значения освободительной борьбы русского народа: «Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции»². «Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведение заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества»³. Совершенно естественным является вывод Ленина, что только эпоха социализма способна создать условия для того, чтобы сделать великие произведения Толстого действительно достоянием всех.

III

Мы привели только три выступления, характеризующие борьбу Ленина за русскую литературу. Надо ли говорить, что такими выступлениями изобилует вся деятельность Ленина. Во всех его работах, посвященных русской литературе, при всем их внутреннем различии, имеются объединяющие начала.

Во-первых, на самом разнообразном литературном материале Ленин утверждает и обосновывает тезис о мировом значении русской литературы. О всемирном значении русской литературы Ленин говорил в книге «Что делать». Как мы видели, этот тезис находит свое подтверждение у Ленина в анализе деятельности Чернышевского, Герцена, Толстого. О Горьком Ленин писал: «Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира».

Во-вторых, Ленин неизменно отмечал демократическую основу передовой русской литературы, ее связь с освободительной борьбой масс. В отстаивании интересов народа и в борьбе против социально-экономического гнета и политического бесправия он видел социальный пафос Толстого и Чернышевского, Некрасова и Щедрина, Белинского и Герцена.

В-третьих, в русской литературе Ленин ценил ее художественную правду, ее реалистическую силу. В произведениях Глеба Успенского, Мамина-Сибиряка, Вересаева Ленин видел справедливое отражение жизни.

¹ Ленин, Соч., т. XIV, стр. 404.

² Там же, стр. 400.

³ Там же.

Статьи о Толстом свидетельствуют о том, как глубоко понимал Ленин отражение жизни в искусстве. Под отражением жизни он понимал не только непосредственное воспроизведение быта, но и отражение мыслей, настроений, чаяний своего времени. В глубоком постижении духа своей эпохи Ленин усматривал высшее выражение художественной правды.

В-четвертых, Ленин подчеркивал преемственность и связь социалистической революции с прогрессивными традициями русской культуры и литературы.

Совершенно закономерно, что русская литература с ее напряженными социальными исканиями, с ее свободолобием, с ее любовью к народу, с ее чувством правды не могла не оказать влияния на Ленина. Ленин сам указывал на русских просветителей как на предшественников революционной социал-демократии. Именно этим объясняется та неустанная борьба за установление истинной ценности русской литературы, которую вел Ленин.

Клара Цеткин, тонкий и внимательный ценитель искусства, высказала чрезвычайно знаменательные соображения о писательской манере Ленина, помогающие многое уяснить в вопросе о литературных традициях Ленина. «Послушайте, т. Ленин,— сказала ему К. Цеткин после его речи на Третьем всемирном конгрессе Коминтерна, — у нас председатель какого-нибудь собрания в каком-нибудь уездном городишке боялся бы говорить так просто, так непритязательно, как вы. Он боялся бы казаться «недостаточно образованным». Я могу сравнить ваше искусство говорить только с одним: с великим искусством Толстого. У вас та же крупная, цельная, законченная линия, то же непреклонное чувство правды. В этом — красота. Может быть, это специфическая, отличительная черта славянской природы?» — «Этого я не знаю, — ответил Ленин. — Я знаю только, что когда я выступал «в качестве оратора», я все время думал о рабочих и крестьянах, как о своих слушателях. Я хотел, чтобы они меня поняли. Где бы ни говорил коммунист, он должен думать о массах, он должен говорить для них».

Характеризуя Ленинский стиль в работе как сочетание русского революционного размаха с американской деловитостью, товарищ Сталин писал:

«Русский революционный размах является противоядием против косности, рутины, консерватизма, застоя мысли, рабского отношения к традициям. Русский революционный размах — это та живительная сила, которая будит мысль, двигает вперед, ломает прошлое, дает перспективу. Без него невозможно никакое движение вперед».

Нет сомнения, что живительная сила ленинизма, ленинский демократизм, ленинская самоотверженность в борьбе за интересы родной земли, ленинское чувство правды, ленинский исторический оптимизм восходят к лучшим традициям русской культуры и русской литературы. В Ленине эти традиции нашли свое наиболее совершенное и глубокое выражение.

С. П. ОБНОРСКИЙ

РАЗРАБОТКА РУССКОГО ЯЗЫКА ЗА 25 ЛЕТ

Разработка русского языка за последние 25 лет была значительной. Итоги этой разработки в отдельных ответвлениях дисциплины русского языка не успели еще получиться в виде вполне законченных исследований тех или иных комплексных узловых проблем. Это находит себе объяснение, с одной стороны, в том, что особенная интенсивность разработки русского языка принадлежала преимущественно поре, ближайшим образом к нам примыкающей, с другой стороны — причины этого в особенностях предшествующей разработки науки русского языка, разработки, носившей несколько односторонний характер и в своем целом недостаточной.

Начало собственно научной разработки русского языка связывается с именем великого Ломоносова. Таково издание Ломоносовым в 1755 г. «Российской грамматики». Только по силам научного гения Ломоносова было создание, можно сказать из ничего, этого труда, первого в подлинном смысле научного труда о русском языке. Выдающееся научное значение «Российской грамматики» Ломоносова оправдывается, с одной стороны, тем, что она в течение многих десятилетий служила у нас непререкаемым источником знаний о русском языке (ср. ее замену лишь спустя 75 лет в известном издании «Русской грамматики» Востокова, появившейся впервые в свет в 1831 г.). Можно, с другой стороны, заметить, что этот первый труд по русскому языку Ломоносова не утратил своего научного значения и в дальнейшем, как сохраняет он его и в настоящее время. «Российская грамматика» Ломоносова и в настоящее время служит для нас не только первостепенным источником в изучении истории русского литературного языка, но и необходимым источником при научном изучении различных вопросов, относящихся к современному русскому литературному языку.

Если посмотреть на итоги разработки русского языка спустя 25 лет, спустя даже два 25-летия после выхода в свет этого труда Ломоносова, можно было бы убедиться в том, насколько эта разработка была незначительной. Здесь, действительно, как крупное явление должно было бы отметить лишь издание в 6 томах «Словаря Российской Академии», этого первого академического издания словаря русского языка, выпущенного в течение пяти лет (с 1789 по 1794 г.) после 10-летней подготовки к изданию. Из иных специальных трудов этого времени заслуживают внимания лишь известные грамматические исследования по русскому языку, в частности по синтаксису, А. Барсова, впрочем, оставшиеся неапечатанными (так называемая «Обстоятельная Российская грамматика»).

08667

Можно не излагать дальнейшей истории разработки русского языка, вообще слабо развертывавшейся и в ряде последующих десятилетий. Отмечу здесь лишь два факта: После довольно продолжительного периода случайного и более или менее любительского отношения к объектам народной речи Даль в 1851 г. впервые в своем известном выступлении на тему «О наречиях русского языка» обратил внимание на интерес и научное значение собирания и изучения особенностей русских говоров. Эта работа Даля, можно сказать, положила начало существованию диалектологии, как специальной дисциплины русского языка. Однако наблюдение за движением у нас диалектологических изучений в период ближайшего 25-летия вслед за выступлением Даля не показало бы сколько-нибудь заметных результатов этой разработки. Не считая немногих публикаций, вообще отрывочных и случайных, с сообщением об особенностях отдельных говоров, здесь выдается лишь издание Академией Наук первого областного словаря (в 1852 г., ср. также «Дополнение» к нему в 1858 г.), до настоящего времени не получившего необходимой себе замены в новом, отвечающем уровню наших диалектологических сведений, подходящем издании. Среди исследователей данного периода могут быть уже названы многие ученые, вводящие в научный оборот в своих исследованиях данные диалектологии (ср. Буслаева, Потебню, Срезневского, Лавровского и др.), но из ученых-собирателей, обогативших общий фонд диалектологических сведений своего времени, здесь выступает лишь одна крупная фигура, к сожалению рано умершего, Колосова.

Приблизительно одновременно с диалектологией и история русского языка выдвигается в положение особой дисциплины, требующей специальной своей разработки в общей комплексной науке о русском языке. С именем Буслаева, выпустившего в 1856 г. «Историческую грамматику русского языка», связывается представление о начальном этапе разработки собственно истории русского языка. Однако это издание Буслаева было пробным опытом истории русского языка, явно недостаточным, устаревшим в исторической своей части собственно с самим выходом своим из печати, ясно поэтому говорившим о необходимых очередных задачах для построения подлинной истории русского языка — в виде предварительных специальных исследований отдельных источников языка, в виде специальной разработки отдельных проблем истории языка, и т. д. И здесь, однако, в ближайший 25-летний отрезок времени не приходится наблюдать сколько-нибудь заметного движения в разработке науки истории языка. В этот период, правда, появляются уже исследования отдельных памятников русского языка (в трудах Будиловича, Лавровских и др.), как и специальные монографии по частным вопросам исторической грамматики русского языка (ср. работы Потебни, Лавровского, Колосова и др.), но масштаб того и другого типа работ был вообще невелик. Обращает на себя внимание в этот период как выдающееся по научному своему значению явление — подготовка акад. Срезневским монументального исторического словаря русского языка (этот словарь, позднее печатавшийся в течение 30 лет, был закончен изданием — в трех объемистых томах с «Дополнением» — лишь в 1912 г.).

С 1870—1880 гг. начинается более интенсивная, как и более плановая разработка русского языка. В эту пору открывается у нас пуштившая глубокие ростки деятельность крупнейших представителей общего языковедения, ставших во главе основных наших лингвистических

школ, — профессора Казанского, позднее Петербургского университета И. А. Бодуэна-де-Куртене и профессора Московского университета, позднее академика Ф. Ф. Фортунатова. В основном с их руководящею деятельностью связывается последующее значительное расширение лингвистических наших изучений. Значительно возросла соответственно и научная разработка русского языка. В изучении русского языка в этот период главным образом должна быть отмечена руководящая деятельность профессоров Петербургского университета, академиков А. И. Соболевского и особенно Фортунатовского блестящего ученика А. А. Шахматова, возглавивших собой как бы два направления в разработке русистики. В несколько обособленном положении стояла также крупнейшая фигура профессора Харьковского университета А. А. Потемки, выдающегося нашего синтаксиста-мыслителя, но принадлежавшего уже к старшему поколению, рано умершего (1892 г.), вместе с тем многочисленными своими трудами оставившего неизгладимый след в разработке русистики. Деятельностью этих основных имен, и особенно А. И. Соболевского и А. А. Шахматова, к которым примкнули, отчасти как непосредственные ученики, отчасти как последователи, многочисленные слои русских ученых, определяется уровень разработки русского языка к революционной поре. Этот период в разработке русского языка, достаточно длительный (он сбнял приблизительно 40 лет), отложился значительными результатами в общем изучении языка, во всяком случае более мощными по сравнению с итогами разработки русистики в предшествующие периоды. Однако, как ни был мощным толчок в изучении русистики в это время, при оценке достигнутых результатов этого изучения нельзя было бы не констатировать и того, что общие знания наши о русском языке были всё же далеко не достаточны, а изученность его заметно уступала перед разработанностью иных европейских языков, и того, что изучение его неровно падало лишь на отдельные стороны языка, на отдельные сферы его проявления, многое в нем оставляя совершенно не затронутым попытками исследования. Во всём этом, конечно, не могла не сказаться ющая слабая разработанность русского языка в предшествующую пору, кроме того здесь должна была отразиться известная ограниченная целеустремленность в направлении исследований, характеризовавшая общее европейское языковедение того времени, оставлявшее определенные области языковых фактов, языковых проявлений вне поля своего внимания или под слабым вниманием. И Соболевский, и Шахматов, эти основные руководители всех русистских изучений в данный период, были в своих научных устремлениях историками языка. Поэтому максимальное общее внимание в разработке русского языка в это время было уделено изучению многообразных источников старого русского языка. В этой работе принимали непосредственное участие и сам Соболевский, и Шахматов. Среди моря дошедших до нас письменных источников за это время действительно было подвергнуто исследованию немало памятников русского языка, особенно памятников старейшей поры (XI—XIV вв.), хотя то, что в этом отношении было сделано, составляет крупицу того, что желательно было бы сделать для построения в более отточенном, в более полном и стройном виде общей истории русского языка. История языка не может быть построена без опоры на данные диалектологии. И Соболевский, и особенно Шахматов очень много внимания в своей деятельности уделяли изучению русской диалектологии. Можно в связи с этим наблюдать широкий общий рост у нас диалектологических изучений —

и собирания и пусна в общий научный оборот новых диалектологических материалов, и обнародования специальных диалектологических исследований обобщающего характера. Конечно, и здесь очень многое, достигнутое по сравнению с тем состоянием, которое было унаследовано от поры предшествующей разработки диалектологии, далеко не отвечало необходимому в интересах общей разработки русского языка уровню наших диалектологических знаний. Соболевский в течение долгой своей научной деятельности никогда не проявлял активного интереса к изучению современного русского литературного языка, как и его истории. Таким же был почти на всем протяжении научной деятельности и Шахматов, у которого лишь к концу жизни является интерес к современному языку, переходящий в увлечение перед исследованием проблем русского синтаксиса. Это объясняет нам почти полную незатронутость общим изучением проблематики, связанной с судьбами русского литературного языка и с самим статическим его состоянием. Мы не имели к революционной поре полной, удовлетворяющей научным потребностям, грамматики современного русского языка и пользовались в необходимых случаях старым соответственным Востоковским изданием 1831 г. Мы не обладали основным инструментом, необходимым в любых работах по современному языку, — изданием словаря современного языка и вынужденно должны были прибегать в необходимых случаях к старому Академическому словарю 1840-х годов или к словарю Даля, отразившего устарелое для этого времени состояние языка 60-х годов прошлого века. Мы почти не встречаем за этот период специальных работ по проблемам русского литературного языка, если не считать фонетической его разработки (в трудах В. А. Богородицкого, Л. В. Щербы, А. И. Томсона и др.). Язык писателей, не исключая и наших корифеев, не был затронут специальной обработкой. Это последнее делает понятным, что сама история русского литературного языка в дореволюционную пору вообще отсутствовала как специальная дисциплина в системе науки о русском языке.

Если коснуться вопроса об общей разработке русского языка в разрезе основных его разделов — фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики и стилистики, то здесь получилась бы картина большой неравномерности в изучении языка. В характере общей разработки русского языка в этом отношении не могло не отразиться и отразилось доминирующее тяготение общеевропейской лингвистической мысли к проблемам фонетики. Сам Соболевский и Шахматов, особенно последний, прошедший глубокую индоевропейстическую школу у Фортунатова, как историки языка, были прежде всего фонетистами. И в общих их изданиях по истории языка и в специальных статьях и исследованиях именно вопросы фонетики составляли основную проблематику их творческой исследовательской мысли. В результате понятно, что в общем тоне всей разработки русского языка преобладало преимущественное внимание и тяготение к трактовке фактов или явлений фонетического порядка, что неизбежно ослабляло значение в общем изучении русского языка прочих его разделов, в особенности синтаксиса и лексики, не говоря о разделе стилистики, вообще и в настоящее время у нас наименее разработанным. И действительно, возьмем ли мы значительный слой работ, посвященных обследованию памятников русского языка, — во всех них основную часть исследований составляет изучение фонетических особенностей данного источника, меньше внимания в них уделено фактам морфологии и, как правило, вовсе отсутствуют в них разделы синтаксиса и лексики.

В результате понятно, что наименее обеспеченными исследованием в истории языка у нас должны были оказаться (так это и произошло) разделы исторического синтаксиса и лексикологии. Подобным образом в диалектологических изучениях, в описаниях говоров и т. п. преимущественное внимание уделялось фонетической стороне языка и уже случайное и попутное — фактам морфологии и лексики, область же синтаксиса и здесь, как правило, оставалась совершенно вне поля наблюдений. Результат всего этого должен был получиться и получился понятный. В общем историческом изучении языка при достаточном охвате комплекса звуковых процессов в жизни языка оказался незначительно исследованным раздел синтаксиса и лексики. В соответственном изучении современного языка и его диалектов оказалось приблизительно то же положение — с слабой разработкой морфологической и лексической системы языка и еще меньшей разработанностью явлений синтаксиса. Можно было бы легко иллюстрировать эту общую картину разработки русского языка к началу революционной поры из непосредственного содержания основных изданий того времени по истории русского языка. Таковы два известных издания: с одной стороны, — «Лекция по истории русского языка» А. И. Соболевского (3-е издание, 1907 г.), с другой стороны — «Очерк древнейшего периода истории русского языка» А. А. Шахматова (1915 г.). Последнее издание посвящено исключительно разделу фонетических явлений. В издании Соболевского содержатся отделы фонетики и морфологии, но полностью отсутствуют разделы синтаксиса и лексики, и понятно — по причине общей их неразработанности.

Таковы итоги разработки русского языка к революционной поре.

Переходя к рассмотрению разработки русского языкознания в революционный период, за последние 25 лет, мы можем констатировать значительную общую интенсификацию разработки русского языка, углубление самой методологии лингвистических исследований, плановость в направлении всей лингвистической работы, значительные изменения в линии тематики исследований, с таким их направлением, при котором общая разработка ближе отвечала бы практическим потребностям жизни.

Трудно с аргументацией помощью цифр показать действительный рост исследовательской работы по русскому языку за последние 25 лет. Показания печатной продукции, сравнение ее с соответственной продукцией дореволюционного времени здесь были бы не так убедительны: известно общее снижение печатания повсюду в течение многих лет после окончания первой мировой войны; ослаблено было печатание, особенно в части специальной литературы, и у нас, между тем научная работа продолжала развиваться, и оттого, что не всё печаталось, в частности по русскому языку, ко времени своей научной разработки, общий удельный вес самой разработки данной дисциплины в целом не снижался, не падал. Рост исследовательской работы по русскому языку за последние 25 лет виден и из всей совокупности печатной продукции за этот период времени и из факта постановки ряда особенно широких по масштабу разработки научных проблем, но еще более — из роста самих исследовательских учреждений и организаций, ведающих изучением русского языка, как и из небывалого роста собственно кадров специалистов русского языка по сравнению с дореволюционным временем.

Не считая особенно мощных научно-исследовательских учреждений и организаций с специальными задачами лингвистического исследования (вроде б. Лингвистического общества, прежних научно-исследовательских ассоциаций или институтов при крупнейших университетах или соот-

ветственных учреждений в составе Академии Наук и т. д.), каждое высшее учебное заведение университетского типа, каждый пединститут или учительский институт, сеть которых в революционную пору чрезвычайно разрослась, специальные учреждения типа институтов школ в системе Наркомпроса и т. д. вели специальную лингвистическую работу или культивировали в массовом масштабе активный научный интерес к изучению языка, а при учете всего этого можно составить себе приблизительное представление о действительно громадном возросшем контингенте специалистов-русистов, непрерывно отдававших свои знания, свою любовь, свой труд делу разработки русского языка. Эти условия роста кадров, специалистов русского языка, позволили значительно интенсифицировать разработку русского языка.

Безусловным достижением русского языкознания за период истекшего 25-летия является углубление и усовершенствование самой методологии научного исследования. И в лингвистике, как в любой другой науке, не без трудностей из-за особенностей языковедческой дисциплины, нашел себе полное применение марксистский метод, марксистский подход к лингвистическим фактам, марксистская оценка языковых явлений. Большая заслуга в деле усовершенствования методологии лингвистического исследования принадлежит акад. Н. Я. Марру. Дореволюционная индоевропейстическая школа языкознания за период столетнего своего существования в науке имеет громадные и бесспорные достижения. Сам по себе сравнительно-исторический метод исследования, основной метод индоевропейстической школы, принципиально не может вызвать возражений в целесообразности его применения. Однако особенности применения этого метода в практике лингвистического исследования конца XIX — начала XX столетия, как и отдельные общие гипотетические предпосылки индоевропейстической школы, изживавшие себя и становившиеся тормозом к дальнейшему перспективному лингвистическому исследованию, привели к кризису существование школы, обнажив отрицательные стороны практиковавшегося ею метода. Требовалось освежение, усовершенствование метода исследования. Акад. Н. Я. Марр, сам филолог и выступивший в революционную пору как исследователь-лингвист, много сделал для языковедения, пересмотрев устои прежней лингвистической школы, подвергнув ее положения жестокой критике и в конце концов открыв путь для работы в лингвистической области применением марксистского метода. Если откинуть у Н. Я. Марра излишнюю страстность в борьбе с индоевропейстической школой как таковой (ее завоевания в прошлом бесспорно огромные, что позволяет полезность ее признавать и для нашего времени, учитывая необходимость пересмотра известных ее положений), если принять на вид, что некоторые отправные мысли акад. Н. Я. Марра сами по себе являются рабочими предположениями, гипотезами, то многие иные положения, за которые так горячо ратовал Н. Я. Марр, могут считаться вполне правильными, тем более, что отдельные положения этого рода не в столь резкой форме, как это имеет место у Н. Я. Марра, высказывались и ранее. Вместе с тем эти положения в реализации их в лингвистической работе выводят лингвистику из тупика, куда течением вещей она действительно зашла, и открывают широкий простор для дальнейшего исследования на базе марксистского метода. В числе этих общих положений следует отметить резкие высказывания Н. Я. Марра против основного тезиса индоевропейстической школы о существовании праязыка. Однако понятие праязыка, «праязыковости» вообще в самой индоевропейстической школе служит

рабочим, гипотетическим понятием, в отношении которого из-за прямолинейности с его оперированием в последнее время в среде самих индоевропейцев можно констатировать известное разномыслие. Очень важно принципиальное положение Н. Я. Марра об единстве языка и мышления, обязывающее в исследовании языковых явлений оценивать их не самих по себе, не в изолированном виде как нечто, само себе доверяющее, а по связи с мышлением, т. е. со всей той суммой общественных, производственных и т. д. отношений, которые обуславливают самое мышление на каждом данном этапе, и т. п. Отсюда в практической работе исследования правильные положения о необходимости сочетания в лингвистической работе данных языковых с данными из области материальной культуры, о необходимом учете семантического момента в анализе любых языковых явлений, в том числе фонетических или морфологических и т. д., о вредности изолированного изучения данного явления фонетического или морфологического и т. д. самого по себе, без учета взаимосвязанности и фонетических, и морфологических, и синтаксических явлений в языке и т. д. Постоянным был призыв Н. Я. Марра к расширению рамок исследования при изучении данного языка привлечением материалов из иных языков, и близко или отдаленно родственных и неродственных непосредственно изучаемому языку. Настойчивым также было требование Н. Я. Марра возможно шире изучать не письменные, не литературные, а живые языки, диалекты, особенно языки с молодой письменностью или вообще еще не знающие письменности. Все эти положения Н. Я. Марра, как и многие иные его мысли, передвинув старое языковедение на пути новых методологических изучений, не могли не отразиться и на разработке русского языка. Не без общего воздействия Н. Я. Марра изучение диалектов шло непрерывной линией в работе русистов в течение всего истекшего 25-летия. По той же связи с основными идеями Н. Я. Марра в разработке русского языка более заметное место, чем в прежнее время, нашли себе темы из области синтаксиса, а частично и лексикологии. Самый метод исследования значительно обновился, уточнился и с опорой на новые основные выдвинутые общие положения обеспечил возможность более глубокого перспективного исследования языковых явлений.

Переходя к обозрению фактической разработки русского языка за последние 25 лет, следует указать на то, что общие направления, в каких развивалось в этот период изучение русистики, значительно расходятся с линиями ее разработки в дореволюционную пору. В основном в разработке русского языка в революционную пору упор изучения обозначился в тех линиях, по которым предшествующая, дореволюционной поры, разработка языка была слабой, недостаточной или вообще отсутствовала. Выше было замечено о том, что в дореволюционный период преимущественное внимание в разработке языка было сосредоточено на изучении памятников русской письменности, на вопросах исторического изучения языка, но оставались в тени задачи изучения современного языка, не говоря об истории русского литературного языка, дисциплине, еще в ту пору специально не оформившейся. В революционную пору историческое изучение языка не могло не продолжаться, но шло оно уже в несколько ослабленном виде, зато особенное внимание было привлечено к исследованию современного русского языка, как и к молодой, вновь сложившейся дисциплине — к истории русского литературного языка. Изучение диалектов, столь важное для осмысления языка в целом, как и для правильного построения исто-

рической грамматики, протекало с той же интенсивностью, что и в дореволюционный период. Здесь, впрочем, можно было бы заметить о принципиально важном расширении самих рамок диалектологических изучений включением в задачи изучения помимо крестьянских диалектов также диалектов города. В дореволюционный период, как сказано выше, фонетика служила преимущественной областью изучения во всяческих работах по русскому языку. Слабым было изучение морфологии и особенно синтаксиса и лексики. В движении русистских работ за последние 25 лет значительно повысилось изучение синтаксической стороны языка, возросло также изучение языка в части морфологической его структуры и со стороны лексики. Кроме того, должно отметить, что в общей разработке русского языка положено начало изучения совсем слабо у нас исследованной области стилистики.

В более или менее конкретизованном виде итоги разработки русского языка за последние 25 лет, применительно к специальным дисциплинам русского языка, могут быть представлены в следующем виде.

История русского языка — основная дисциплина в изучении русского языка. Именно в истории русского языка (при ее совершенной и достаточно полной разработке) должны содержаться ключи с разгадкой самых разнообразных вопросов по русскому языку. В такой стадии разработки, однако, истории русского языка еще не существует. Для ее построения необходимо предварительное всестороннее исследование многообразных источников русского языка, представляемых, с одной стороны, письменными памятниками, с другой стороны — данными диалектологии. Памятников русского языка сохранилось большое количество. Их научная разработка велась достаточно широко в предреволюционный период, но, конечно, итоги этой разработки далеко не могут считаться достаточными в интересах построения истории языка. Чем разнообразнее и глубже и полнее будет исчерпан материал из памятников, тем обеспеченнее станет разработка собственно истории языка. Работа над исследованием памятников русского языка в революционную пору не останавливалась, хотя рамки ее были заметно ослаблены по сравнению с предшествующим периодом. Самые исследования первое время, как и в дореволюционную пору, простирались преимущественно на памятники старшей поры (ср. исследования о языке Архангельского евангелия 1092 г., Минеи 1097 г., Новгородских листков XI в. и др.) и представляли общую характеристику (главным образом с фонетической стороны и в части морфологических особенностей). В дальнейшем из памятников привлекались главным образом произведения мирского содержания или не узко церковного, т. е. как непосредственные источники русского литературного языка старой поры, и притом нередко изучались ограничительно, применительно к одной какой-либо стороне языка — морфологии, лексике, особенно синтаксису. В этом ряду работ можно отметить исследования о языке договоров русских с греками, о языке Русской Правды по старейшему Синодальному списку 1282 г., о языке Суздальской летописи, о языке старших московских духовных грамот, о языке «Жития» Авакума и др.; ряд работ посвящен Слову о полку Игореве и другим литературным памятникам; многие источники исследованы (отчасти в диссертационных работах) специально с синтаксической стороны, например, Новгородская летопись по Синодальному списку, Лаврентьевская летопись, новгородские грамоты, Русская Правда, паломническая литература XIV—XVI вв., Судебник Ивана Грозного и др., или со стороны морфологии (повести

XVII—XVIII в.), или лексикой (сочинения Посошкова и др.). Среди специальных статей, монографий, исследований по истории русского языка обращают на себя внимание работа В. В. Виноградова «Исследования в области северновеликорусского наречия», вып. 1, 1923 г., посвященная, с использованием большого количества старорусских источников, судьбам Ъ в севернорусских говорах и в литературном русском языке, и исследование С. П. Обнорского «Именное склонение в современном русском языке», I—II, 1927—1931 гг., относящееся к малоизученной в истории языка области русской морфологии. Это последнее исследование послужило толчком к оживлению научной разработки морфологических проблем русского языка, вызвав и в русской и в западноевропейской лингвистике ряд специальных работ по русской морфологии. В числе общих вопросов истории языка, в связи с известными последними трудами акад. А. А. Шахматова («Введение» к «Очерку древнейшего периода истории русского языка», 1915 г., «Введение в курс истории русского языка», ч. 1, 1916 г., «Древнейшие судьбы русского племени», 1919 г.), продолжалась разработка коренного и наиболее сложного вопроса о происхождении русского языка, о его старейших взаимоотношениях с иными славянскими языками и т. п., привлекая к себе внимание, помимо лингвистов, также историков, археологов и этнографов, литературоведов и т. д. В разрешении этого вопроса (трудами акад. Б. М. Ляпунова, акад. Н. К. Никольского, акад. Н. С. Державина и др.) вскрылись перспективы отдаленных глубоких взаимосвязей между отдельными славянскими племенными образованиями, в частности связи восточного славянства с западнославянским миром, что заставляет в новом виде представлять прошлое образования русского языка, как и старейших этапов культурной истории восточного славянства. Существенно новые перспективы приподняты в исследовании общей проблемы о происхождении русского литературного языка (в работах С. П. Обнорского). Обычное упрощенное представление о русском литературном языке как о пришедшем церковнославянском языке, пришедшем к нам вместе с принятием христианства в церковно-богослужебной и религиозной, переведенной с греческого языка, книжности и сразу оказавшемся с правами нашего литературного языка, должно смениться мыслями о более сложных путях его образования. Анализ всех основных дошедших до нас оригинальных памятников русского языка старшего периода (вроде договоров русских с греками, Русской Правды, сочинений Владимира Мономаха, Слова о Полку Игореве, старейших грамот и т. д.) заставляет думать о том, что наш литературный язык в своей базе, в своем происхождении был русским языком в основе, с русскими чертами во всей системе языка (со стороны произносительной, в формообразовании, в синтаксическом строе и в лексике), но он в последовавшем процессе своего роста, столкнувшись с древнеболгарским книжным языком, веками развивался уже во взаимодействии с ним, впитывая разнородные его элементы — те, в которых сам он нуждался, особенно из области лексики и фразеологии. В лексикологической области заслуживает внимания организованное в недрах Академии Наук громадное предприятие по подготовке нового большого исторического словаря русского языка в замену известного словаря Срезневского. Новый словарь должен обнять лексическую наличность русского языка с XI столетия до Петровской эпохи включительно, в то время как издание Срезневского охватывает лишь старейший период жизни русского языка (по XV столетие). Не приходится

говорить о большом значении этого предприятия. Его реализация впервые должна вскрыть лексическую наличность русского языка за древнейший и средний периоды его роста и таким образом позволит, сомкнув ее в одну линию с имеющимися у нас данными о словарном составе языка в течение XVIII, XIX, XX вв., получить представление о движении лексики на всем течении развития русского языка. Материалы для этого издания, собиравшиеся более 10 лет (еще с участием акад. А. И. Соболевского), в основном подготовлены. Обработан к изданию первый том словаря. Большое значение в стимулировании исторического изучения русского языка всегда принадлежало работе над научным изданием важнейших источников языка. В истекший 25-летний период научная публикация русских памятников была сравнительно незначительной. Здесь следует отметить первостепенного научного значения издание акад. В. М. Истриным «Георгия Амартола», с полнейшим научным аппаратом, с исследованием и словарем (в трех томах), издание «Жития» Нифонта по рукописи 1219 г., памятника, переведенного на русской почве с греческого языка, источника, очень важного для изучения русского литературного языка старшего периода. Среди многих изданий памятников литературного и исторического характера выделяются издание «Летописи по Лаврентьевскому списку» под редакцией акад. Е. Ф. Карского (это издание равноценно рукописи), отдельные издания Слова о полку Игореве, «Моления Даниила Заточника» и др. В ряде изданий выпущена была Русская Правда; из них выдается по научным своим достоинствам роскошное издание памятника, подготовлявшееся в течение нескольких лет и пока выпущенное в составе первого тома под заглавием «Правда русская» (под редакцией акад. Б. Д. Грекова), издание, впервые знакомящее с текстом памятника по всем важнейшим его дошедшим многочисленным спискам.

Очень интенсивным все время было изучение диалектологии. И это понятно: данные диалектологии важны для совершенного познания современного русского литературного языка, но еще более они важны для построения исторической грамматики, для решения основных вопросов о происхождении русского языка, об отдаленных взаимоотношениях его с иными славянскими языками и т. п. Однако, хотя работа по собиранию диалектологических материалов, предпринимавшаяся многими вузовскими центрами и иными научными организациями (притом обычно экспедиционным путем), была непрерывной, публикация большого и ценного вновь добытого материала была вообще незначительной. Следует отметить завершение обнародования диалектологических материалов Московской диалектологической комиссией (в так называемых «Трудах» комиссии, последний, 12-й, выпуск которых вышел в 1930 г.), также б. Отделением русского языка и словесности Академии Наук (так называемые «Материалы для изучения великорусских говоров», последний, 13-й, выпуск которых издан в 1929 г.). К сожалению, в дальнейшем не было организовано какого-либо аналогичного специального органа для публикации новых собиравшихся материалов, и они в большинстве своем, оставаясь ненапечатанными, являются малодоступными для общего научного использования. Конечно, не мало вышло из печати отдельных статей, монографий характера диалектологических описаний тех или иных говоров. Таковы, например, особенно работы Н. М. Каринского, В. И. Чернышева, А. М. Селищева, Н. П. Гринковой, С. А. Еремина, А. В. Миртова и мн. др. В общем итоге всех диалектологических изучений за 25 лет мы можем считать более или менее

поднявшимся изучение сибирских говоров, сведения о которых в дореволюционную пору были особенно скудными; кроме того, более богатыми данными мы располагаем теперь для отдельных областей севернорусского наречия, в особенности в районах крайнего севера и северо-запада. В связи с общим усилением изучения диалектологии можно наблюдать в истекший период также рост обобщающих диалектологических исследований. Оставляя в стороне различные монографические работы с тематикой общего диалектологического характера, следует отметить как особенно показательное в этом отношении явление — заметный по сравнению с дореволюционным временем рост диссертационных исследований на диалектологические темы. Таковы, например, работы Н. Н. Дурново — «Диалектологические разыскания», Н. П. Гринковой — «Воронежские говоры», С. С. Выхотского — «Юго-западные подмосковские говоры (к проблеме переходных говоров)», Л. И. Бараниковой — «Переходные колхозные говоры северной части Сердобского района», М. Д. Мальцева — «Из наблюдений над языком крестьян села Ястребова Белгородского р. Курской обл.», Ф. П. Филина — «Исследование о лексике русских говоров» и др. Общая интенсификация диалектологических изучений в революционный период вызвала постановку в недрах Академии Наук (в составе Института языка и мышления) громадной и имеющей очень большое научное значение задачи по составлению диалектологического атласа русского языка, кроме того поставлено на очередь намеченное еще в дореволюционное время издание областного словаря русского языка на смену во всех отношениях недостаточного и устаревшего соответственного академического издания 50-х годов прошлого века. Работа по составлению диалектологического атласа русского языка должна иметь первостепенное научное значение как проверенный материал для правильного освещения отдельных проблем исторической грамматики русского языка, с одной стороны, а с другой стороны — как материал для разрешения особенно сложных вопросов, касающихся взаимосвязей в старейшие эпохи отдельных славянских племенных образований. Поскольку аналогичная работа ведется в ряде европейских и славянских стран, понятно, что составление атласа русского языка должно иметь и общее международное научное значение. Работа по составлению атласа ведется уже в течение ряда лет. Сложность самой задачи подготовки атласа, требующей планомерного изучения по составленной программе-вопроснику всех основных территориальных точек каждого данного района, вызвала много усилений в самой организации работы. Руководство работой принадлежит Академии Наук, фактически же значительную часть работы, по областям, выполняют русисты-диалектологи почти по всей сети наших вузов. Можно поэтому сказать, что эта работа поднимается всем основным коллективом специалистов-русистов нашей страны. К настоящему времени собран материал и в значительной части картографирован для области всего крайнего севера и широкой Псковско-Новгородско-Калининской области. Одновременно работа велась по Куйбышевской обл., Ростовской, Воронежской и др. Приготовлено для печати издание атласа местностей по оз. Селигеру. В разрывании работ по диалектологии впервые в революционный период тематически поставлен вопрос об исследовании городских диалектов (работы Н. М. Каринского, Б. А. Ларина и др.), но это изучение только начато. Тема эта, помимо теоретического своего интереса, имеет большое значение в общем изучении самого литературного языка.

Наибольшее внимание в разработке русского языка за последние 25 лет привлекал к себе, пожалуй, современный литературный язык. Это объясняется и слабой его разработанностью в дореволюционное время и еще более тем исключительным положением, тем особенно активным значением, которое ему с революционной поры все время принадлежало в глазах широких кругов общественности. Русский литературный язык с начала революционной поры, с полным изменением социальных и политических форм жизни и всего общественного уклада, не мог не подвергнуться очень большим изменениям. В жизни появились новые слова-понятия, всё возрастающие в условиях мощного роста новой государственности; напротив, многие старые понятия, вымирая, сходили на нет или получали новое переосмысление. Русский литературный язык стал бурно разрастаться. Его активными деятелями впервые выступили широкие ряды новых лиц из слоев общественности, которые до этого активной роли в жизни слова не играли. Все это должно было вызвать более или менее значительное нарушение прежних норм литературного языка. Язык стал чрезмерно переполняться неологизмами всякого рода, в язык широкой волной хлынули нелитературные элементы речи — диалектизмы, просторечная стихия, арготизмы, вульгарные слова и фразеология. Это уже знаменовало начало порчи языка. Русский литературный язык естественно привлек к себе широкое и заостренное общественное внимание. Известна дискуссия по вопросу литературного языка, протекавшая в начале 1930-х годов, в которой столь деятельное участие принимал тонкий знаток и ценитель языка, борец за хорошее литературное слово А. М. Горький. Отныне русский литературный язык, язык Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Чехова, Горького, Ленина, Сталина, стал общественно оберегаемой ценностью. Все это не могло и перед наукой русского языка не поставить первой задачей всестороннее изучение современного русского языка вообще и специальное изучение литературного языка со стороны общей нормализации его употребления. Мы можем констатировать значительную работу, выполненную над изучением русского литературного языка в течение последних 25 лет и по одной и по другой линии. В общем изучении русского литературного языка в специальных исследованиях охвачены все стороны языка, особенно морфологическая область и область синтаксиса. В морфологии помимо исследований, посвященных изучению отдельных грамматических категорий (склонение существительных, степени сравнения прилагательных, возвратно-страдательные формы глаголов, наречия, междометия и др.), заслуживает внимания группа работ, относящихся к малоизученной области словообразования (ср. работы о функциях префиксов в глагольных образованиях, об именных производных с различными суффиксами: —чик и —щик, —ец, —ство, —ив и —ав, —ин и др.). В области синтаксиса появилось много работ (преимущественно диссертационных исследований) на различные темы — о залогах, об управлении, о функциях причастий, деепричастий, инфинитива, о косвенных падежах и соответственных предложных оборотах, о порядке слов и др., но самым большим здесь явлением был выход из печати монументального труда последнего периода деятельности А. А. Шахматова «Синтаксис русского языка», сохранившегося после его смерти в рукописном его наследии. Труднейшим делом в разработке русского языка всегда была его лексическая область. Академия Наук, как полагалось ей это и по прежнему уставу, периодически заботилась о выпуске в свет словаря русского языка для удовлетворения

потребностей времени, но подготовка к изданию и самое издание всегда было делом очень длительным, почему и издания осуществлялись редко. После издания Академией Наук словаря в 1847 г. следующее его издание было предпринято лишь акад. Я. К. Гротом (в начале 1890-х годов), но за его смертью оно задержалось на выпуске первого тома (буквы А—Д). Это издание, но по совершенно новой программе с задачей показать в словаре всю вообще доступную лексическую наличность русского языка (т. е. рядом с литературными словами и все слова областные, просторечные, арготические и т. д.) должен был продолжить А. А. Шахматов. Однако дело с изданием словаря по такой широкой программе затянулось на десятки лет, и издание было приостановлено (реорганизовано). Таким образом, словаря современного языка в академическом издании ни предреволюционное время, ни революционная пора не имели. Большим поэтому по своему значению предприятием нашего времени должно считать издание компактного 4-томного словаря русского языка, вышедшего под редакцией Д. Н. Ушакова (1934—1941 гг.). Несмотря на отдельные недочеты, этот словарь, отражая современную стадию языка и тем самым удовлетворяя давним общим насущным потребностям в обладании изданием подобного рода, до появления нового академического издания словаря должен иметь громадное стимулирующее значение в изучении русского языка. Широкое возбуждение в изучении современного русского языка нашло свое отражение в издании ряда повышенного типа руководств, грамматических очерков по русскому языку и т. п. Нельзя здесь не отметить оригинального и богатого по своему содержанию издания В. В. Виноградова «Современный русский язык» (вып. I—II, 1938—1939 гг.).

Новую, сложную и чрезвычайно важную задачу в разработке русского языка выдвинули требования переживаемой эпохи — задачу нормализации русского литературного языка. И наше произношение, и словоупотребление, и синтаксические обороты речи, и практика склоняемых и спрягаемых форм нередко наблюдаются в неустойчивом и колеблющемся виде. Мы можем встретить в среде литературно говорящих лиц произношение чевó и чивó, коричневый и коришневый, принялсá и принялсьá и т. п., или формы возы и возá, хныкаешь и хнычешь и т. п., или разновидности колеблющегося управления — согласно чего, согласно чему, согласно с чем, доказывать что, доказывать о чем, сигнализировать что, сигнализировать о чем и пр., или лексические дублеты в роде зря и напрасно и т. п. В подобных фактах неустойчивости языка есть варианты правильные и неправильные, допустимые и недопустимые для нормального литературного употребления; в иных случаях варибельность в языке связывается с смысловыми различиями, с стилевой дифференциацией и т. п. Понятно, что для решения всех подходящих вопросов должно отправляться от определенных норм литературного языка, которые подлежат научному установлению. Такая задача в прежнее время перед наукой русского языка не ставилась, но со всей остротой она встала перед ней в революционную пору [ср. ряд статей по вопросам русской орфоэпии Д. Н. Ушакова («Родной язык в школе», VIII, 1925 г., сб. «Русская Речь», 1928 г.), Л. В. Щербы, Р. И. Аванесова, С. И. Бернштейна и др. («Русский язык в школе», 1936 г. и сл.)]. В направлении нормализации русского литературного языка в течение последних лет ведутся соответственные работы в Академии Наук. В реализации этих работ подготавливается ряд изданий: 1) нормативная грамматика русского

языка, отчасти обработанная, 2) словарь русского литературного языка (обработано три тома), 3) специальная монография с изложением основ русского литературного произношения. Следует отметить, что в направлении этих же работ по общей нормализации литературного языка стоят также чрезвычайно важные работы по пересмотру существующей терминологии в различных дисциплинах, в течение ряда лет ведущиеся в специальном учреждении Академии Наук — в Комитете технической терминологии; эта работа возглавлялась нашим крупнейшим ученым, недавно скончавшимся, — акад. С. А. Чаплыгиным.

Параллельно с изучением современного русского языка (как и общей истории языка) шла разработка молодой по своему сложению науки — истории русского литературного языка. Наиболее крупные работы здесь принадлежат проф. В. В. Виноградову и акад. Л. А. Булаховскому. Понятно, что в интересах полнейшей разработки истории русского литературного языка должно стать планомерное специальное изучение языка русских писателей XVIII, XIX, XX вв. Однако, как и в прежнее время, эта работа еще должным образом не организована. За истекшее 25-летие отдельные монографические исследования о языке писателей коснулись преимущественно немногих писателей-корифеев, главным образом недавних наших юбиляров Пушкина и Лермонтова, отчасти также Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, М. Горького и др.

Научная разработка русского языка за истекшие 25 лет была значительной и более целеустремленной сравнительно со всем дореволюционным периодом. Большое отличие удельного веса этой разработки по сравнению с удельным весом соответственной разработки языка в дореволюционную пору в том, что итоги изучения языка в революционную пору находили быстрое свое применение к потребностям практической жизни. Можно было бы указать на выпуск многих вузовских пособий по языку, использовавших итоги последней научной его разработки. Нельзя не отметить, между прочим, и выпуска последнего стабильного учебника по русскому языку для старших классов средней школы, подготовка которого была обставлена, как никогда прежде, так, чтобы в издании максимально нашли свое отражение именно итоги современной научной разработки предмета. Следует упомянуть об огромной издательской продукции по русскому языку, притом высокого, именно научного уровня, для нерусских. Таковы многообразные издания грамматик для националов или многочисленные издания словарей с русского языка на национальный язык и обратно, также с русского языка на европейские языки или на славянские языки и т. п. и обратно. Многих изданий этого рода по отдельным национальным языкам никогда в прежнее время не существовало. Многие издания этого рода обращают на себя внимание особой филигранностью обработки, в которой с чрезвычайной тонкостью сочетались требования и высокой научности и практической целесообразности.

Научная разработка русского языка, значительно подвинувшись вперед за последние 25 лет, нуждается все же в возможно широком и интенсивном дальнейшем своем обогащении. Очередные задачи изучения русского языка очень большие:

1. В направлении изучения русского литературного языка неотложной задачей должно стать завершение работ по научной нормализации языка с соответственной разработкой правил общей орфоэпии, нормативной грамматики и нормативного словаря русского языка.

2. И в интересах изучения грамматики русского литературного

языка, и в целях плодотворной разработки истории русского литературного языка необходима организация работы по планомерному специальному изучению языка писателей XVIII—XX вв.

3. В направлении диалектологической разработки русского языка, помимо работы над составлением атласа русского языка, не должно ослабляться интенсивное общее изучение говоров, в значительной своей части изученных односторонне и недостаточно, а также специальное исследование общих тем из области русской диалектологии.

4. В историческом изучении русского языка необходимо усиление работ по изучению источников старого языка, как и по научной публикации важнейших памятников; в связи с итогами этого расширенного изучения источников русского языка и углублением диалектологической его разработки дальнейшей очередной задачей должно стать составление более полной общей истории русского языка.

5. Всемерно должна быть поднята лексикологическая разработка старого и современного русского языка (с углублением разработки, в изучении разнообразных источников русского языка, раздела лексики), и обеспечен выпуск из печати ряда очередных соответственных изданий — Словаря современного русского языка, Исторического словаря русского языка, Областного словаря русского языка, Этимологического словаря русского языка.

6. В изучении источников русского языка, как старой поры, так и современных (в частности — диалектологического характера), должно быть повышено внимание к исследованию морфологической и синтаксической стороны языка.

7. Необходима организация планомерной разработки стилистики русского языка.

В. В. ВИНОГРАДОВ

О ФОРМАХ СЛОВА

1

§ 1. Проблема слова в языкознании еще не может считаться всесторонне-исчерпанной. Не подлежит сомнению, что понимание категории слова (так же, как и ее содержание) исторически менялось. «Структура слова не однородна в языках разных систем и на разных стадиях развития языка.» «До сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными», — заявлял Ф. де-Соссюр, касаясь вопроса о слове¹.

Попытки же дать общее определение слова, применимое ко всем языкам, приводили к малосодержательным, расплывчатым формулам вроде той, которая предложена А. Мейе: «Слово есть результат связи определенного значения с определенным комплексом звуков, способным к определенному грамматическому употреблению»².

Но если даже отвлечься от сложных вопросов истории слова, как языковой категории, соотносительной с категорией предложения, и ограничить круг наблюдений системой европейских языков, в самом описании структуры слова еще останется много неясного. Избегая определения слова, лингвисты не дают и полного описания его структуры или структуры разных видов слов. Они охотно довольствуются указанием лишь некоторых внешних (преимущественно фонетических или морфологических) или внутренних (синтаксических или логико-семантических) признаков слова.

Но при одностороннем подходе к слову сразу же выступает противоречивая сложность его структуры, и общее понятие слова дробится на множество эмпирических разновидностей слов. Являются «слова фонетические», «слова грамматические», «слова лексические» или «слова-понятия»³. Поэтому и в общих описаниях слова всегда выдвигается или доминирует какая-нибудь одна из этих сторон. В лингвистических работах чаще всего приходится сталкиваться с четырьмя типами толкований слова — фонетическим или фонологическим, морфологическим, синтаксическим и логическим или предметно-смысловым. Комбинации разных точек зрения встречаются также нередко, но и они не приводят к желанному результату.

§ 2. Казалось бы, легче всего установить фонетические признаки слова и его фонетические границы. Слово — звуковое структурное единство, соответствующее фонологическим нормам данной языковой системы. Границы слова обычно отмечаются особыми фонологическими сигналами⁴. Однако с фонетической или фонологической точки зрения обнаруживаются резкие различия между языками в степени четкости и определенности границ слова. Это обстоятельство не может не влиять и на общую оценку фонетического принципа определения слова. А. Мейе пишет: «Слово не допускает точного фонетического определения, какое возможно для слога; и действительно, понятие слова не фонетическое, но морфологическое и синтаксическое. Можно строго определить,

¹ Ф. де-Соссюр. Курс общей лингвистики. Русский перевод, стр. 111.

² Revue de métaphysique et de morale, 1913, p. 11; ср. Ж. Вандриес. Язык. Русский перевод, стр. 90.

³ Ср. Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка, 1940, № 3, стр. 107.

⁴ N. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie, Prag, 1: 39, S. 34, 241—242.

где начинается и где оканчивается морфологическое индоевропейское слово, но граница фонетического слова может быть иною»¹.

Несколько иначе решает проблему отдельного фонетического слова Ж. Вандриес, опираясь на исследование Готье о конце индоевропейского слова²: «Во многих языках конечный отрезок слова (пользуясь фонетическим термином) претерпевает особую трактовку, которой не знает ни отрезок начальный, ни отрезки внутренние. Это — лучшее доказательство существования отдельного фонетического слова». «Специальное произношение конечных слогов есть функция существования слова и дает возможность определить его границы»³. Однако границы слова, обозначаемые в разных языках разными фонетическими сигналами (например, в русском языке силовым ударением и связанными с ними явлениями произношения, оглушением конечных звонких согласных и отсутствием регрессивной ассимиляции по мягкости на конце), в некоторых языках (например, в немецком) бывают не так резко очерченны, как границы между морфемами (т. е. значимыми частями слов — корневыми или грамматическими элементами речи)⁴. С другой стороны, фонетическая грань между словом и фразой, т. е. тесной группой слов, во многих языках также представляется неустойчивой, подвижной. Например, во французском языке «слова фонетически ничем не выделяются»⁵, а в звуковом потоке обособляются «группы слов, выражающие в процессе речи единое смысловое целое», так называемые динамические, или ритмические, группы.

§ 3. Не вносит ясности в понимание слова и его логико-семантическое истолкование. С этой точки зрения слово чаще всего определяется как языковое выражение одного понятия. При последовательном проведении этой точки зрения не только «треугольник», но и все определение его: «геометрическая фигура, ограниченная тремя взаимно пересекающимися прямыми, образующими три внутренних угла», должно быть признано за одно слово. Правда, такое обоимое смещение лингвистических и логических категорий встречается не часто. Но недостаточное разграничение терминов «понятие» и «значение» в лингвистике обычно. Если же заменить термин «понятие» термином «значение» и скатиться на традиционную точку зрения, то перед нами возникает старинное и еще менее ясное определение слова: «словами являются звуки речи в их значениях» или: «всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово»⁶. Выражение «значение» здесь крайне туманно и двусмысленно. Оно не дифференцировано. Ведь в языке, в общем, все значимо и осмысленно, т. е. все единицы языка имеют значение.

Кроме того, если бы структура слова была только двусторонней, состояла лишь из звука и значения, то в языке для всякого нового понятия и представления, для всякого нового оттенка в мыслях и чувствах должны были бы существовать или возникать особые, отдельные слова. В действительности же не так. «Великим заблуждением, — говорит Ф. де-Соссюр, — является взгляд на языковой элемент просто как на соединение некоего звука с неким понятием. Определять его так, значило бы изолировать его от системы, в состав которой он входит; это повело бы к ложной мысли, будто возможно начинать с языковых элементов и из их суммы строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до заключенных в нем элементов»⁷. Вместе с тем, в языковой системе и сами звуки речи значимы, осмыслены. На это указывал еще В. Гумбольдт, по словам которого связь звуковой формы с внутренними языковыми законами достигает высшего предела в проникновении их друг другом⁸.

Таким образом, структура слова зависит от грамматического строя языка.

§ 4. Но и с грамматической точки зрения целостность и единство слова оказываются в значительной степени иллюзорными. В грамматической плоскости

¹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Русский перевод, М., 1938, стр. 157—158.

² R. Gauthiot. La fin de mot en indo-européen, Paris, 1913, с. 24—35.

³ Ж. Вандриес. Язык, стр. 64.

⁴ N. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, S. 241—242.

⁵ Проф. Л. В. Щербя. Фонетика французского языка, 1937, стр. 81, 77.

⁶ Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение. Литограф. курс. 1899/1900, стр. 187, 186.

⁷ Ф. де-Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 113.

⁸ С.м. W. von Humboldt. Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues, ed. Pott, S. 272.

легче всего рассматривать слово как предельный минимум предложения (Sweet, Sapir, Щерба и др.). «Слово есть один из мельчайших, вполне самодовлеющих, кусочков изолированного смысла, к которому сводится предложение,— формулирует Сэпир¹. Однако не все типы слов с одинаковым удобством укладываются в эту формулу. Ведь есть очень много слов, которые являются только морфемами, и морфем, которые иногда еще являются словами. Слово может выражать и единичное понятие, конкретное, абстрактное, и общую идею отношения (как, например, предлоги *от* и *об* или союз *и*), и законченную мысль (например, афоризм Кузьмы Пруткова: *бди!*). Правда, глубокая разница между словами и морфемами как будто обнаруживается в том, что только слово способно более или менее свободно перемещаться в пределах предложения, а морфемы, входящие в состав слова, обычно неподвижны (однако ср., например, *лизоблюд* и *блюдолиз*, *скалозуб* и *зубоскал*; но: *щелкопер* и *перощелк*—величины разнородные). Способность слова передвигаться и менять места внутри предложения очень различна в разных языках. Следовательно, и этот критерий самостоятельности и обособленности слова зыбок, текуч. Иногда сюда присоединяют морфологический признак — «непроницаемость» слова. Например, в таких языках, как русский, отличие слова от морфемы поддерживается невозможностью вклинить другие слова или словосочетания внутрь одного и того же слова². Но все эти признаки имеют разную ценность в применении к разным категориям слов и форм слов. Например, никто, но ни к кому; некому, но не у кого; потому что, но: я потому не писал, что твой адрес потерял и т. п. (ср. *есть где, но: негде; нездоровится, но: не очень здоровится* при отсутствии формы *здоровится* и т. п.).

Такие модальные слова и частицы, как *знать* («Ай, моська, *знать*, она сильна, что лает на слона»), *дескать*, *мол* и т. п., вовсе неспособны быть потенциальным минимумом предложения и лишены самостоятельного значения. В этом отношении даже союзы и предлоги счастливее. Например, у Тургенева в повести «Бреттер»:

«— Лучков неловок и груб,— с трудом выговорил Кистер,— но...

— Что-то? Как вам не стыдно говорить: *но*.

Он *груб* и *неловок*; и *злой*, и *самолюбив*... Слышите: *и*, а не *но*».

Таким образом, и с грамматической точки зрения обнаруживается разнообразие типов слов и отсутствие общих устойчивых признаков в них.

§ 5. Вместе с тем остается неясным, о чем говорят, когда устанавливают фонетические предметно-смысловые или грамматические признаки слова, — о слове ли как семантической единице языка, представляющей систему форм и значений, или о каждом эмпирическом слове в потоке связной речи. В самом деле, термин «слово» в самой лингвистической науке применяется в разных значениях. Так, в стихе Пушкина: «Глухой глухого звал на суд судьи глухого» каждый русский грамматик готов найти семь или, по крайней мере, шесть отдельных слов (если на суд считать за одно целое). Но, с другой стороны, «глухой», «глухого» воспринимаются как формы одного и того же слова. Эта двойственность словоупотребления не раз подчеркивалась и специалистами по языку³. Проф. А. М. Пешковский предлагал различать два понятия: «слово — член», т. е. слово как «отдельный психофизиологический акт членения речи», и «слово — тип», «ассоциативную группу представлений, обособившихся в уме говорящего в результате этого членения». То же противоречие в употреблении термина «слово» отмечалось и другими лингвистами⁴. Прежде всего словами называются самые мелкие — отдельные или отделимые члены (элементы), из которых складывается и на которые разлагается фраза. С синтагматической точки зрения слово представляет собой такое неразрывное целое, которое не может быть разделено или расколото другими словами без утраты своего вещественного значения.

Но для лингвистики едва ли не важнее другое понятие слова. Когда говорят о слове «лошадь», то разумеют под ним весь ансамбль, всю систему его падежных форм, которые употребляются в связной речи для вы-

¹ Э. Сэпир. Язык. Русский перевод, 1934, стр. 28. Ср. Л. В. Щерба. Восточно-лужицкое наречие, 1915, стр. 75.

² O-r Witém Mafhesius. O potenciálnosti jevü jazykovych, Praha, 1911.

³ См., например, А. М. Пешковский. Понятие отдельного слова. Сборник статей, Л., 1925.

⁴ См. М. Калинович. Поняття окремого слова. Мовознавство, Київ, 1935, № 5.

ражения соответствующего предметного значения. Именно в этом смысле слово «лошадь» подводится под категорию имени существительного. Понятно, что есть и такие слова или разряды таких слов, которые употребляются лишь в одной форме. Но это не меняет дела по существу. Этим лишь подчеркивается, что единство слова организуется прежде всего его лексико-семантическим стержнем, который является общим у всех его форм. С этой точки зрения безразлично, имеет ли слово одну, несколько форм или образует целую парадигму форм. Эта точка зрения развивалась в моей работе «Современный русский язык» (1938). Здесь предложено различать два понятия и два термина — слово и лексема, т. е. лексическая единица языка, как система форм и функций, осознаваемая на фоне структуры языка в целом, или: форма слова и слово. Область формообразования относится к морфологии слова, область словообразования — к морфологии лексемы.

§ 6. Смешение этих двух понятий крайне вредно отражается на развитии грамматики и лексикологии. Об этом Ф. де-Соссюр писал: «Понятие слова несомненно с нашим представлением о конкретной единице языка. Чтобы удостовериться в этом, вспомним хотя бы французское *cheval* (лошадь) и его множественное число *chevaux*. Обычно говорят, что это две формы одного слова; однако, взятые в целом, это все-таки вполне различные явления и по смыслу и по звучанию. В *twā* (*le mois de décembre*) и *twaz* (*un mois arge*) мы опять же имеем одно слово под двумя видами, и опять же не может быть речи о вполне конкретном единстве: смысл несомненно тот же, но отрезки звучания различны. Если бы таким образом мы пожелали приравнять конкретные единицы словам, то сразу очутились бы перед дилеммой: либо игнорировать, несмотря на его очевидность, отношение между *cheval* и *chevaux*, *twā* и *twaz* и т. д. и утверждать, что это разные слова, либо довольствоваться вместо конкретных единиц абстракциями, объединяющими формы одного слова»¹.

В истории русского языкознания это противоречие сказалось особенно ярко. А. А. Потебня под влиянием субъективно-идеалистической философии учил о слове, как об индивидуальном акте творческого выражения, но постоянно смешивал понятия «слова» и «формы слова». Он писал: «Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т. е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения. Сравнивая отдельный акт речи «пять верст», «от млада версты» (т. е. с молодого возраста) и т. п. и отвлекая общее, находимое в этих актах, мы должны считать это общее лишь сокращением, а не неизменной субстанцией, окружающей изменчивыми признаками. В действительности не только верста = 500 саженей есть слово отдельное и отличное от верста = возраст (ср. сверстник), верста = пара, но и верста в одном из этих значений есть иное слово, чем версты, версте и т. д. в том же лексическом значении, т. е. малейшее изменение в значении слова делает его другим словом». Таким образом, Потебня думал, что все грамматические формы слова, так же как и все разновидности значений слова, являются отдельными словами («малейшее изменение в значении слова делает его другим словом»). В другом месте он заявляет об этом с не меньшей решительностью: «В словарях принято, для сбережения времени и места, под одним звуковым комплексом перечислять все его значения. Обычай такой необходим, но он не должен порождать мнения, что слово может иметь несколько значений. Омоним есть фикция, основанная на том, что за имя (в смысле слова) принято не действительное слово, а только звук. Действительное слово живет не в словаре или грамматике, где оно хранится только в виде препарата, а в речи, как оно каждый раз произносится, при чем оно каждый раз состоит из звуков единственного и одного значения». «Омонимия форм есть тоже грамматическая фикция»². Однако нетрудно доказать, что сам Потебня на практике в своих лингвистических исследованиях очень часто пользовался тем понятием слова — лексемы, которое он отвергал по философскому предубеждению.

Занимаясь этимологическими разысканиями, восстанавливая историю значений слов, Потебня исходит из понятия лексемы как совокупности форм и значений. Например, в работе «К истории звуков русского языка» (IV. Этимологические и другие заметки, 1883 г.) А. А. Потебня изучает, «какие значения, кроме общеизвестного, имело слово село на Руси в исторические

¹ Ф. де-Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 107.

² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, 1941, IV, стр. 96.

времена» (стр. 5). Характерно и такое заявление Потёбни: «Значения слова игра, коими определяются и значения производных, могут быть возведены к разрядам действия, обозначенного корнем, способа или формы этого действия и его орудия» (стр. 59).

Еще более резко и прямолинейны недоразумения с термином слово у представителей школы Фортунатова. Например, проф. Д. Н. Ушаков учил: «Термин «словоизменение» дает повод рассматривать, например, рука, руку, рукой как видоизменения одного слова, тогда как в действительности — это отдельные слова»¹. И в другом месте: «Различными словами являются также, например, рука, руку, руки, пишу, пишешь, писать, так как различные формальные принадлежности внесли в значение основы различные видоизменения»².

Интересны колебания проф. А. М. Пешковского в этом вопросе. «С научной точки зрения, — писал он, — иду, идешь, идет или стол, стола, столу — безусловно разные слова. Но ради практических удобств приходится нередко называть ту или иную группу таких слов одним словом... Говорится о разных словах, из которых «одни суть слова, изменяющиеся по лицам или падежам», а другие — нет. Дело в том, что самое понятие «изменения» неизбежно предполагает единство того, что «изменяется»... Когда мы говорим «глагол», мы имеем в виду группу из семидесяти слов, условно называемую словом»³. Множественность форм глагольного слова особенно смущала А. М. Пешковского. «Понятия «склонения» и «спряжения», — замечает он, — никогда не были точно определены, а взяты прямо из традиции. Есть ли, например, «спряжение» только изменение по лицам и числам, или и по временам, наклонениям, залогам?». В языке происходит постоянная перегруппировка форм: «формы словоизменения» нередко вытесняются и замещаются «формами словообразования». Так, в современном русском языке глагольные формы времени образуются не только посредством флексии, но и с помощью суффиксов (ср. формы настоящего времени: говорю, говоришь и т. п. и прошедшего: я говорил, ты говорила и т. п.). «Если понимать «словоизменение» и «словообразование» традиционно, — недоумевает проф. А. М. Пешковский, — то получается такой, например, абсурд, что французские *parle* и *parlais* одно слово в разных изменениях, а русские говорю, говорил — разные слова»⁴. Из этих противоречий и недоразумений можно вывести заключение о неотложной необходимости изучения структуры слова как комплекса или системы форм.

2

§ 7. Слово — структура сложная. Смысловое единство слова сочетается с реальным или потенциальным многообразием его форм. Формы слова — это разновидности одного и того же слова, отличающиеся друг от друга элементами морфологического состава или синтактико-фразеологическими связями и соответствующими побочными значениями и оттенками. Понятно, что формы слова взаимообусловлены и взаимосвязаны. Это положение кажется бесспорным и очевидным прежде всего относительно тех морфологических видоизменений одного и того же слова, которые образуют парадигму склонения или спряжения. Общеизвестно, что, например, в русском языке слова, подводимые под категорию имени существительного, как норма, представляют собой целые системы форм падежных и числовых (единственного и множественного числа), воспроизводящих тот или иной тип склонения. Несколько в стороне стоят дробные парадигмы склоняемых форм имен числительных и предметно-личных местоимений. Особую — морфологически и синтаксически замкнутую — парадигму образует система форм склонения имени прилагательного. Гораздо сложнее вопрос о системе форм глагола. Однако никто из русских людей не усомнится, что, например, формы — петь, пою, я пел, я пел бы, я буду петь, я спою, я спел бы, поющий,

¹ Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке, изд. 7-е, М., 1925, стр. 68.

² Там же, стр. 83.

³ А. М. Пешковский. Наш язык, ч. 2, книга для учителя, изд. 2-е, М., 1925, стр. 32.

⁴ А. М. Пешковский. Сборник статей, 1925, стр. 131.

певший, спевший, спевши и т. п. являются грамматическими формами одного и того же глагола. Все эти формы соотносительны. И даже те формы, которым традиционно присваивается роль представителей всех других грамматических форм слова (например, форма именительного падежа существительного, форма именительного падежа мужского рода имени прилагательного, форма инфинитива), являются лишь элементами или звеньями замкнутого грамматического ряда форм, образующего одно слово. Проф. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ учил: «Нельзя говорить, что известная форма данного слова служит первоисточником для всех остальных и в них «переходит». Разные формы известного слова не образуются вовсе одна от другой, а просто сосуществуют. Конечно, между ними устанавливается взаимная психическая связь, и они друг друга обуславливают, но с одинаковым правом мы можем говорить, что форма вода «переходит» в форму воду, как и наоборот, форма воду в форму вода»¹. Таким образом, слово (во всяком случае, изменяемое слово) — это система сосуществующих, обуславливающих друг друга и функционально объединенных форм, из которых каждая связана с строго определенными, оправданными структурой языка контекстами употребления. В этом смысле еще раньше Бодуэна Ad. Noreen называл флексивно изменяемое слово «парадигмой» форм. Каждая из этих форм выражает особую грамматическую категорию, а все вместе образуют лексико-грамматическое единство. Одна из этих форм (обычно самая короткая) условно принимается за основную, за «базу» парадигмы. Ею пользуются как лексикографическим обозначением слова и как представителем парадигмы в целом². Понятно, что от «слов-парадигм» резко отличаются в этом отношении слова неизменяемые типа русских вчера, вероятно, кругом, возле и т. п. Однако термин парадигма, как синоним слова, неудобен уже потому, что его можно применять и к системе грамматических форм одного слова, воспроизводящих тот или иной тип склонения или спряжения, и к системе грамматических изменений целого класса слов. Кроме того, в систему форм слова могут входить и такие формы, которые лежат за пределами парадигмы. Эта проблема была затронута Л. В. Щербой в его докторской диссертации «Восточно-лужицкое наречие» (т. I, 1915 г.). Опираясь на выдвинутое Дитрихом различие между *Abweichungsnamen* и *Übereinstimmungsnamen*³, Л. В. Щерба гораздо шире очерчивает круг форм одного слова. Так, к формам одного и того же слова он относит уменьшительные и увеличительные образования в классах имен существительных, прилагательных и качественных наречий. Коррелятивные парные существительные, отличающиеся лишь родо-половыми значениями, также признаются формами одного и того же слова (лужицкие *karstak* — *karstarka*, шинкаръ — шинкарка). Это вызвало решительный протест со стороны акад. А. А. Шахматова: «Соединение в одной рубрике с уменьшительными и увеличительными, действительно не теряющими связи с простым словом, образований, обозначающих лица женского пола, едва ли целесообразно в виду того, что имена лиц женского пола иногда выражаются, в отличие от имен мужского пола, совсем особыми словами (ср. кобыла — конь, жеребец; корова — бык и т. п.)»⁴.

Повидимому, Л. В. Щерба слишком расширил объем понятия «форма слова». Однако нельзя не обратить внимания на то, что в современном русском языке есть три разных типа парных соотносительных по родо-половому признаку имен существительных в категории лица:

1) муж — жена при супруг — супруга;

2) учитель — учительница; колхозник — колхозница и т. п.;

3) причудник — причудница; озорник — озорница и т. д.

Парные слова первых двух разрядов — бесспорно разные слова; коррелятивные слова третьего разряда ближе к формам одного слова, хотя и не являются таковыми. Характерны такие параллели: «она была такой же при-

¹ Рецензия на «Законы и правила русского произношения» В. И. Чернышева. Известия Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, 1907, XII, кн. 2, стр. 495.

² См. A. Noreen. *Vårt språk*, VII или в *Nordisk Tidskrift* 1879, статья о словах и классах слов. Ср. также E. M. Setälä. Le „mot“. *Journal de la Société finno-ougrienne*, XLIII 1932, p 24.

³ См. O. Dittrich. *Probleme der Sprachpsychologie*, Lpz., 1913.

⁴ А. А. Шахматов. Заметки по истории звуков лужицких языков. Известия Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, 1916, XXI, кн. 2, стр. 248.

вередливой, как и ее брат»; «она была такой же привередницей, как и ее брат»; но невозможно: «она была такой же учительницей, как и ее брат». Л. В. Щерба подчеркнул и тот факт, что «формами следует между прочим почитать такие сочетания слов, которые, выражая оттенок одного основного понятия, являются несвободными, т. е. в которых неперемнная часть сочетания, выражающая оттенок, употреблена не в собственном значении»¹. Таким образом, грамматическими формами слова могут быть и синтетические и аналитические образования. Позднее, в статье «О частях речи в русском языке», Л. В. Щерба стремился точнее описать системы форм, свойственные различным частям речи в русском языке². Так, здесь подчеркивается — в противовес учению русских грамматистов Фортунатовского направления, — что «инфинитив, причастие, деепричастие и личные формы признаются нами формами одного слова — глагола» (20). К системе форм качественного прилагательного относятся не только степени сравнения, но и образования с усилительными, количественными приставками — пре-, наи- и т. п. «Предобрый будет, конечно, формой слова добрый». В комплекс форм одного глагольного слова входят и коррелятивные видовые формы. «Сделать будет формой слова делать, но добежать едва ли будет формой слова бежать, так как самое действие представляется как будто различным в этих случаях» (19). Понятно, что есть «случаи неясные, колеблющиеся». Так, Л. В. Щерба вовсе не касается вопроса о том, относятся ли к системе форм глагольного слова какие-нибудь залоговые образования. Этот вопрос до сих пор не выяснен в русской грамматике. Коснувшись его мельком, акад. И. И. Мещанинов заметил: «Действительный залог и страдательный различаются не только своим оформлением, но и строем предложения, а именно то, что при первом является грамматическим объектом, оказывается при втором подлежащим («рабочие строят дом»; «дом строится рабочими»). Категория залога, в данном случае, устанавливается как различное оформление одного и того же глагола, требующее каждое различного построения предложения согласно особенностям его содержания (ср. O. Jespersen. The philosophy of Grammar, L, 1935, p. 164—168). При таком синтаксическом определении залога придется... признать залогом только действительный и страдательный в пределах переходных глаголов, семантически отличаемых от глаголов непереходных»³. Однако в русском языке проблема залога сложнее, так как здесь взаимодействие грамматических и лексических значений особенно разнообразно. Даже вопрос о действительных и страдательных конструкциях, об их отношениях к другим параллельным оборотам и средствам грамматического выражения нуждается в дополнительном исследовании⁴.

Итак, объем и характер систем форм различен у различных грамматических классов слов, у разных «частей речи». Все системы форм, типичные для грамматической структуры языка в его данном состоянии, соотносительны.

§ 8. В системах форм слова, в их грамматических функциях, в их семантической природе особенно наглядно и резко отражаются различия между основными типами и классами слов. Однако, не надо думать, что всякое слово, принадлежащее к тому или иному грамматическому классу, располагает всем комплексом форм, типичным для этого класса. Оно может иметь лишь некоторые формы, может бытовать лишь в какой-нибудь одной форме. Например, из форм несовершенного вида глагола *плош а т ь* (ср. форму совершенного вида *о пло ш а т ь*) в литературном русском языке употребляется лишь форма императива в поговорке: «на бога надейся, а сам не плошай». Глагол *н ей м е т с я* имеет лишь безличную форму настоящего времени (ср. *н е м о ж е т с я*). Глагол *п о г о д и т ь*, свойственный разговорной речи, употребляется лишь в формах будущего времени: *п о г о ж у*, *п о г о д и ш ь*, *п о г о д и м*, *п о г о д и т е*, *п о г о д я т*, пусть *п о г о д и т* и в формах повелительного наклонения — *п о г о д и*, *п о г о д и т е* и вовсе не имеет форм прошедшего времени — в отличие от своего синонима *п о д о ж д а т ь*.

¹ Л. В. Щерба. Некоторые выводы из моих диалектических лужицких наблюдений, 1915.

² Русская речь. Новая серия, 1928, вып. II.

³ Акад. И. И. Мещанинов. Общее языкознание, Учпедгиз, 1940, стр. 64.

⁴ Ср. Ж. Вандриес. Язык, стр. 130.

Система форм слова определяется взаимодействием лексических и грамматических факторов. Например, присесть и присесть — разные слова, между тем как наесть — наесть, воцелеть — воцелеть являются формами одного слова. Точно так же для современного создания раскудить и рассуждать — разные слова. Каламбурно звучит ироническая фраза в «Дневнике» акад. А. В. Никитенко: «Были на заседании Академии. Рассуждали о спряжениях и ничего не рассудили»¹. Уже из этих иллюстраций видно, что системы форм слов — величины изменчивые. В истории языков наблюдаются постоянные передвижения в системах форм одного слова у разных грамматических классов. Формы слова делаются разными словами (и при том чаще всего — словами разных классов), и, наоборот, разные слова могут стать формами одного слова. Причины этих процессов так же разнообразны, как и особенности и направления самих процессов. Так, внутренние изменения грамматического строя языка всегда сопровождаются распадом систем форм (ср. в истории русского языка XIII—XIV вв. распад старой общеславянской системы форм глагола и образование новой системы форм времени, вида и наклонения). Остатки форм отмирающих систем чаще всего превращаются в особые слова (ср. историю слов — былой, буд е-если, имени существительного суть, междометия чу и т. п.). Вместе с тем специализация синтаксических функций формы нередко ведет к ее лексическому переосмыслению и к возникновению нового слова. Например, так образовались слова и словечки: знать (в значении вводного слова), чуть (ср. чутье), хотя, хоть (бывшие формы глагола хотеть), пусть, пускай (отпустить), чай (из чаю) и т. п. Перед нами — цепь сложных процессов лексикограмматической индивидуализации форм. Понятно, что сращение слов и форм, вызванное синтактико-фразеологическими условиями, также завершается появлением новых слов (ср. образование будто из будь то, областного бытто из быть то, если из есть ли, так как из так, как и т. п.). Необходимо учитывать и то обстоятельство, что степень грамматической отвлеченности разных форм и их лексический вес не одинаковы. Семантическое наполнение формы может изменяться и качественно и количественно. При резком смысловом сдвиге некоторые формы отрываются от тех слов, с которыми они прежде были спаяны (ср. например, дальний и дальнейший). Смешение языков и диалектов также выражается в обособлении отдельных форм слов и последующем превращении их в слова (ср. историю слова сущий, употребляемого ныне в немногих фразеологических сочетаниях: сущая правда, сущее наказание, сущие пустяки и т. п.; ср. историю частицы знай, восходящей к народной форме третьего лица настоящего времени: знае-знает²; ср., например, у И. А. Крылова в басне «Крестьянин и рабтник»: «Знай колет: всю испортил шкуру»).

Чаще же всего изменения в системах форм слов зависят от общих изменений семантического строя, порождаемых взаимодействием грамматических и лексических факторов (ср. исторический процесс образования наречий на о — е типа: хорошо, худо и т. п., как особых слов, отличных от прилагательных: хороший, худой, и т. п.; процесс формирования категории состояния, процессы качественного преобразования причастных форм и т. п.). Давление лексики на грамматику сказывается и в том, что не все формы слова переходят из одной системы языка в другую, так как их употребление неодинаково часто и необходимо. Например, от переходного глагола заплакать в значении оросить слезами в литературном употреблении сохранилось лишь заплаканный (в фразеологических сочетаниях: заплаканное лицо, заплаканные глаза). Дифференциация форм и их отмирание могут вызываться омонимией. Например, в современном языке глагол улизнуть не имеет форм несовершенного-краткого вида — улизывать. Однако ср. в письме И. П. Одентая к А. Я. Булгакову (от 1 ноября 1812 г.): «официальные донесения о преследовании улизывающего по-французски неприятеля».

Распад системы форм слова может быть связан с утратой его как самостоятельной лексической единицы, и с распылением его форм по изолированным фразеологическим единствам и сращениям (ср. никоим образом, ни в коем случае — при отсутствии слова никоим).

¹ Русская Старина, 1891, янв., стр. 41.

² См. Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка, стр. 123.

В общем очерке трудно дать исчерпывающую характеристику всех процессов превращения форм словоизменения в формы словообразования. Столь же разнообразны и сложны противоположные исторические процессы сближения разных слов или форм разных слов и грамматического приращения их к системе форм одного слова. Таковы, например, в истории русского языка факты переосмысления некоторых разрядов слов из категории собирательности и слияния их с формами множественного числа: камень — камни — каменя; прут — прутья (из собирательного среднего рода прутье) и т. п.

Трудно сомневаться в том, что в древнерусском языке соотносительные парные образования, подводимые под категории единичности и коллективности-собирательности вроде литвин — литва, мордвин — мордва, русин — русь и т. п., были неразрывно связаны друг с другом и воспринимались как формы одного и того же слова¹. Собирательные формы на бѣ (вроде: колюсье) и теперь еще в севернорусских областных говорах составляют неразрывное целое с формами единственного и множественного числа имени существительного². Результаты взаимоприращения разных слов, ставших формами одного слова, очевидны в таких грамматических соотношениях современного русского языка: человек — люди; братъ — брать; уложить — укладывать; сесть — садиться и т. п. Иного типа объединения разных слов, из которых одно стало ласкательной формой другого слова: Агриппина — Аграфена и Груша (груша — название плодового дерева), Евдокия — Авдотья и Дуня (дуня = дуля); Олимпиада — липа (липа = дерево) и т. п.³.

§ 9. Естественно, что в истории языка эволюционируют и изменяются самые способы или модели формообразования. Бросается в глаза тот факт, что в преобладающем большинстве случаев формы слов образуются теми же приемами и способами, что и отдельные слова. В этом факте нельзя не видеть указания на подвижность, взаимопереход и взаимопроникивание лексических и грамматических категорий. В современном русском языке различаются следующие семь основных методов образования форм слов:

1) Посредством сложения слов или форм слов, например, самый красивый (форма превосходной степени слова красивый), буду читать (форма будущего времени глагола читать), я хотел бы (форма условно-желательного наклонения глагола хотеть) и т. п. Ср. образование слов: заблагорассудиться, пятьдесят, никто и т. п.

2) Посредством окончаний и суффиксов, например, щец (ласкательная форма родительного падежа слова щи — шей); выиграть — выигрывать; колено — колени — колена — коленья и т. п.; ср. в прсторечи формы склонения наречия завтра: до завтрава, к завтраму.

Ср. образование слов: сечь и сетка; пузырь и пузырек; мех и мешок; хороший и хорошенький; засесть и заседать и т. п.

3) Посредством префиксации: бледнеть — побледнеть; дичать — одичать; скверный — прескверный и т. п. Ср. образование слов: покинуть (соотносительно скинуть); прекрасный (ср. красный) и т. п.

Переходный комбинированный тип представляют, например, формы предложного падежа имени существительного: о славе, (тосковать) по отце (ср. тосковать по братьям) и т. п.

4) Посредством одновременного, комбинированного применения суффиксации и префиксации. Например, в выражении: предобрейшей души человек; предобрейшей — форма элитива слова добрый. В русском языке этот способ образования форм слов редко применяется.

Ср. образование слов вроде: нагуляться, насидеться; заречье, предплечье и т. п.

5) Посредством так называемой внутренней флексии или звуковых чередований основы, чаще всего в связи с суффикацией. Например: селá — села; заподозрить — заподозривать; заходить — захаживать и т. п.

¹ См. В. Unbegaun. La langue russe au XVI siècle. Paris, 1935.

² См. свидетельства Мансикки (ИОРЯС, 1914, XIX, кн. 4, 157; 1912, XVII, кн. 1, 247); А. Грандильевского (Родина М. В. Ломоносова. Спб., 1907, стр. 83); А. М. Селищева и других диалектологов.

³ См. заметку акад. А. И. Соболевского Груша и Дуня в журн. «Живая старина», 1891, вып. 1, отд. 1, стр. 126—127. Ср. его же «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии», Спб., 1910; «Песни русского народа», собранные Рыбниковым, М., 1862, т. П, стр. XXI—LXXVII V. Cernyrev. Les prénoms russes: formation et vitalité. Revue des études slaves, 1934, II t. XX, fasc. 3 et 4.

Ср. образование слов: резать и разить; нести и носить и т. п.

6) Посредством превращения разных слов в формы одного слова или посредством вращения слова в систему форм другого слова. Например: игты — я шел; говорить — сказать; уходить — уйти; плохой — хуже; ребёнок — дети и т. п.

7) Посредством превращения союзного сочетания форм разных слов в форму одного из этих слов — грамматически возобладавшему. Например: возьму и скажу. Этот тип образований крайне редкий и не вполне установившийся, переходный.

Быть может, сюда же следует присоединить способ образования экспрессивных или усилительных форм слова посредством их повторения, или удвоения, например сидит-сидит, синий-синий, едва-едва, еле-еле и т. п. Ср. образование отдельных слов: чуть-чуть, вот-вот в фразе: «вот-вот придет»; междометие ни-ни в значении запрета и т. п.

§ 10. До сих пор мы рассматривали лишь так называемые грамматические формы слова. Однако и эти формы неоднородны. Среди них наблюдаются синтетические и аналитические формы словоизменения. Кроме того, некоторые из этих форм, например, формы субъективной оценки имен существительных являются формами в собственном смысле лексико-грамматическими (ср. формы степеней сравнения имени прилагательного, видовые корреляции глагола и т. п.). Но можно и должно различать в структуре слова лексические формы. Сюда, прежде всего, относятся фоно-морфологические и этимологические варианты слова. Например, палатализироваться — палатализоваться; патогенез — патогенезис; семинар — семинарий; пёкло — пёкло; зал — зала и т. п. Фоно-морфологические разновидности слова нередко порождаются колебаниями ударения. Например, в русском литературном языке XVIII — начала XIX в.: отъыв и отъыв; призрак и призра́к и т. п.¹

Не подлежит сомнению, что в русском языке начала XIX в. проект и проже́кт были формами одного и того же слова, хотя и с разной экспрессивной окраской. То же можно утверждать и о словах карьер — карьера. Ср. у Гоголя в «Мертвых душах»: «И вот он решил сызнова начать карьер»; «карьер мой кончен потому, что мне не служить» и т. п. Лишь с середины XIX в. в общелитературном языке карьер и карьера стали совсем разными словами. В XVIII в. машина и машина были формами одного слова. Понятно, что разные фоно-морфологические варианты слова могут выполнять различные стилистические функции и могут использоваться с разным экспрессивным назначением. Вот исторический пример. Известно, что И. С. Тургенев в романе «Отцы и дети» тонко оттенял социальную характерность барского (Кирсановского) произношения принцип — в отличие от Базаровского демократического выговора принцип.

В общественном сознании людей 60-х годов с разными фонетическими обликами этого слова были соединены разные социально-экспрессивные оттенки. В журнале «Заноза» 1863, № 1, в редакционной статье читаем: «Заноза», как всякий серьезный современный журнал, желающий принять посильное участие в разработке вопросов, занимающих наше общество, не может не заявить предварительно тех начал, под знаменем которых она намерена выступить на поприще общественной деятельности. В этом отношении как самое общество наше, так и журналистика представляет нам три пути, сообразно трем видам убеждений: людей и журналов с принципами, принципами и принципами. Но так как нам случалось замечать, что люди и журналы с принципами, когда дело касается до собственных их интересов, весьма нередко образуются в людей и журналы с принципами и обратно, то мы и предпочитаем пристроиться к категории неизменно остающейся верною самой себе, к категории людей и журналов с принципами»².

Ср. в записках сенатора К. Н. Лебедева (1862 г.): «Я прочел «Отцы и дети» Тургенева... едва ли правильно выражены отцы с их принципами и дети с их принципами»³.

¹ См. С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, стр. 69, 70.

² М. Лемке. Очерки по истории цензуры и журналистики XIX столетия, Спб., 1904, стр. 166.

³ Русский Архив, 1911, № 3, стр. 391.

У В. С. Курочкина в стихотворении «Нигилист-старичок»:

Вот, Базаров освистан;
 Ну, какой он герой?
 Ну, какой нигилист он:
 Просто — прынцип такой.
 Нет-с. У нас по прынципу
 За земельки клочек
 Обдерет вас, как липу,
 Нигилист-старичок¹.

Таким образом, лексическим вариантам слова обычно бывают свойственны разные экспрессивные и стилистические оттенки.

§ 11. Стилистические формы слов нередко возникают при смешении близко родственных языков. С этой точки зрения получает новое освещение вопрос о старославянизмах и церковнославянизмах в истории русского языка. В истории русского литературного языка происходили разнообразные процессы стилистического взаимодействия параллельных форм русских и юго-славянских, приводившие то к слиянию их в семантических системах однородных лексем, то к превращению в самостоятельные слова (ср. в современном русском языке формы одних и тех же слов: тожество — тожество; тождественный — тождественный; рождество и просторечное рожество; среда — среда для обозначения дня недели; чрез — через; ворота и торжественно-поэтическое врата, например «у врат царства» и т. п.). Понятно, что этимологически тождественные русские и церковно-славянские слова, утратившие семантическую и стилистическую соотносительность и подвергшиеся решительной смысловой дифференциации, являются совсем разными, вполне самостоятельными словами (например: вред и областное веред; мрочить и морочить; прах и порох; страна и сторона; хранить и хоронить; чуждый и чужой; гражданин и горожанин и т. п.). Процессы таких взаимодействий шли в разных направлениях в разные периоды истории русского языка. Вскользь на это указывали А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Л. Л. Васильев и С. П. Обнорский.

Этого рода факты являются яркими симптомами стилистического параллелизма и соотносительности русских и церковно-славянских слов и форм слов. Конечно, в разные периоды истории русского языка, в разных системах русского литературного языка виды этих соотношений и их семантические проявления были очень разнородны. Например, невежда и невежа до начала XIX в. были стилистическими формами (высокой и посредственной — простой) одного и того же слова. Семантическая дифференциация форм невежда и невежа, превращение их в разные слова — позднейший продукт полного распада классической системы трех стилей в первой четверти XIX в. Акад. С. П. Обнорский указал на то, что тесное взаимодействие русских и церковно-славянских лексических форм слов отражалось и на смешении грамматических форм соответствующих слов. Например, тот факт, что хлад и холод воспринимались некогда в русском литературном языке как формы одного, слова, сказался и в скрещении русской и церковно-славянской парадигм их склонения. Вместо русской формы на холоду, встречающейся в сочинениях Лейкина и А. Н. Толстого, в литературном языке сохраняется употребление соответствующего «церковно-славянизма» — на холоде (под влиянием на хладе). «То же и со словом голод, от которого в живой народной речи несомненно употребляются закономерные русские формы в голоду, на голоду, только они еще не успели проникнуть в литературный обиход»².

§ 12. Лексико-стилистическими вариантами одного слова могут быть также общелитературные и просторечные его формы (например, острый — вострый) или же две областные разновидности слова, соприкоснувшиеся в системе литературного языка. Любопытно, что в «Словаре Академии Российской» XVIII в. как варианты формы одних и тех же слов рассматривались: хлестать — хлыстать (VI, 551); отхлестать — отхлыстать (VI, 552); строгать — стругать (V, 902); пугало — пужало (VI, 1170, ср. у Пушкина в «Анджело»:

¹ В. С. Курочкин. Собрание стихотворений, Academia, 1934, стр. 244.

² С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, Л., 1927, вып. 1, стр. 200.

«пужало из тряпицы»); напугать — напужать (IV, 1171); почва — пошва (IV, 1018); пускать — пуцать (IV, 1180) и много других подобных¹.

Яркой иллюстрацией смысловых возможностей, экспрессивных и стилистических эффектов, заложенных в лексических формах слова, может служить такое ироническое словоупотребление В. И. Ленина: «Этот Л. Вл. забавно superklug (в ироническом переводе на русский язык «вумный»)»².

Всеми этими указаниями круг лексических форм слова, конечно, еще не определен и не очерчен. Но необходимость различения грамматических и лексических форм слова и без того очевидна.

§ 13. Можно ли считать, что система форм слова исчерпывается теми его видоизменениями, которые находят выражение в фонетическом и морфологическом облике слова? Повидному, нет. Если бы круг форм слова ограничивался фонологическими, синтактико-морфологическими, экспрессивно-морфологическими, этимологическими и экспрессивно-стилистическими вариациями слова, то в тех классах слов, которые не располагают аппаратом форм склонения, спряжения, степеней сравнения и экспрессивной оценки, понятия слова и формы слова чаще всего совпадали бы. Но так ли на самом деле? Можно ли признать одной и той же формой употребление лексемы спасибо в роли междометия, вводного слова («спасибо, выручил двоюродный ваш брат» — Горе от ума), безличного «предиката» («спасибо соседу, что помог»), имени существительного с формой родительного падежа («никто спасибо не скажет»)? Очевидно, нельзя. Это — разные формы, отличающиеся одна от другой интонацией и грамматической функцией, синтаксическими связями и даже оттенками лексического значения. Вместе с тем, это не разные слова, а одно и то же слово, но в разных синтаксических употреблениях, в разных синтаксических функциях. Однако различие функций здесь много рода, чем, например, различие функций одной падежной формы. Слово спасибо в каждой из своих новых синтаксических функций подводится под иную грамматическую категорию. При этом меняется и внутреннее содержание слова. А так как форма и содержание коррелятивны, то естественно видеть в этих разных синтаксических употреблениях, связанных с выражением разных грамматических отношений, разные формы слова (ср., например, употребление слова точно в значении наречия, имеющего формы сравнительной степени и субъективной оценки, и в значении вводного слова: «И, точно, в ней было мало истинно прекрасного» — Пушкин).

Сознание тождества слова покоится на понимании его семантического единства в многообразии его мыслимых видоизменений. А эти видоизменения выражаются не только в морфологическом облике слова, но и в различиях его синтаксических связей и функций.

Таким образом, понятие формы слова основано на сознании тождества слова при наличии дифференциальных признаков его употребления. Наивное восприятие склонно смешивать равенство с тождеством. Между тем тождество не исключает многообразия, а, напротив, предполагает его. Тождество — это единство в многообразии одного. Грамматическое и лексическое многообразие слова состоит в видоизменениях его состава и его связей. В понятие грамматических форм слова включаются не только разновидности его морфологической структуры, но и различные сочетания его с другими формами слов или словами. Трудно сомневаться в том, что в выражениях жить согласно и жить согласно предписанию (ср. «сердце билось согласно всей музыке тишины») обнаруживаются две разные формы слова согласно (едва ли скажем: два разных слова-омонима). Формы этого рода не могут быть квалифицированы как формы собственно синтаксические. С ними связаны очень ощутительные различия лексических значений. Поэтому их удобнее называть формами лексико-синтаксическими.

§ 14. Если понятию формы слова придавать такое расширенное значение и видеть в разных синтаксических позициях и функциях внешне (т. е. морфологически) неизменного слова различия его форм, то можно говорить и о лексико-фразеологических формах слова. То, что традиционно принято называть разными лексическими значениями слова, под иным углом зрения может быть рассматриваемо как лексико-фразеологические формы слова. Лексико-фразеологическая форма слова — это форма, реализующая одно из лексических значений слова и связанная с строго определенным фразеологи-

¹ См. М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. VIII, стр. 148.

² Ленин. Соч., т. XVII, стр. 411.

ческими контекстами. Внешним обнаружением форм этого рода являются своеобразия фразеологических связей, а иногда и грамматических изменений. Все эти формы слова семантически связаны в одно целое. Они представляют собой соотносительные звенья единой смысловой структуры. Они цементируются или спаиваются в пределах семантического единства слова непрерывной последовательностью или общностью «внутренних форм», прямым отношением к основному номинативному значению и другими средствами семантического строя. Понятно, что система лексико-фразеологических форм слова — величина еще более переменная, чем система его грамматических форм. И тут отдельные формы, отрываясь от единой семантической структуры, становятся особыми словами (например *правый* — *прав* в значении: поступающий по правде, справедливый и *правый* — в противоположность слову *левый*; *лихой* — злой, недобрый, тягостный, губительный и *лихой* — молодецкий, щегольский и т. п.).

В истории языка происходят постоянные смещения семантических границ слова. Непрерывно протекают процессы превращения лексико-фразеологических форм слова в отдельные слова-омонимы и, напротив, слияния омонимов в системе форм одного слова.

Вследствие полной неисследованности семантических признаков связи и разъединения лексико-фразеологических форм в составе слов вопрос о смысловом объеме и семантических границах слова остается самым темным и запутанным. Ни в одном толковом словаре русского языка нет ни последовательности, ни четкости в понимании смысловой структуры слова. То под одним фонетическим комплексом коллекционируются и выставляются омонимы, то, наоборот, одна семантическая единица дробится на разные слова. Чаще же всего прием механической сцепки однозвучных элементов дает себя знать во внешнем сближении фразеологических оборотов с теми или иными словами. Во всех этих случаях система форм и функций одного слова изображается в резко искаженном виде, в ложном свете. Иллюстрации, заимствованные из «Толкового словаря русского языка» (под редакцией проф. Д. Н. Ушакова), очень показательны.

Под фонетическим комплексом *осадить* в «Толковом словаре» (II, 855—856) смешаны три разных слова, три системы форм: 1) мятежники осадили крепость, толпа осадила здание, его осадили заявлениями (форма несовершенного вида — *осаждают*); 2) химический термин: заставить опуститься на дно в виде осадка, выделить составную часть раствора (форма несовершенного вида — *осаждают*); и 3) осадить лошадь, осадить телегу, осадить назад (форма несовершенного вида — *осаживать*).

В глаголе *настроить* слыты по крайней мере два, если не три, слова: 1) *настроить* домов: «он настроит дымных келий по уступам гор» и 2) *настроить* скрипку, *настроить* струну и *настроить* кого-нибудь в свою пользу (II, 437—438).

Таким же примером ошибочного слияния двух омоформ в «Толковом словаре» (III, 1144) может служить слово *разгуливать*. Здесь смешан разговорный глагол *разгуливать* в значении прохаживаться, прогуливаться и форма несовершенного вида к разговорно-фамильярному слову *разгуливать* — *разгуливать* с значениями: развлечь, рассеять, разогнать (например *разгулять* сон, *разгулять* ребенка).

Неправильно с точки зрения современной семантики рассматривать как одну смысловую структуру такое употребление слова *отразить*, как «отразить нападение», «отразить натиск врага», «отразить доводы оппонента» и: «зеркало это отразило прелестное, несколько искаженное лицо» (Тургенев); «отразить свет, звук»; «отразить настроение широких масс» (ср. II, 974—975). То же следует сказать и об ошибочном слиянии омонимов в фонетическом комплексе *отразить* (II, 974).

Пучок значений слова может распадаться. Отделяющиеся звенья замыкаются в свой фразеологический круг. Лексическая форма, обособляясь от того пучка, в котором она составляла одно из звеньев семантического сочленения, образует отдельное слово. Например, в глаголе *раздаться* — *раздаваться* объединены три тесно связанных значения с их оттенками: 1) *расступиться*, *раздвинуться* в стороны («толпа раздалась»); 2) *расширяться*, *стать просторнее* (просторное — «сапоги раздались на колодке»); 3) *растолстеть* (просторное шутивное — «Надежда Осиповна раздалась и ее лицо огубело» — Тьянов). Но едва ли с точки зрения современного понимания может быть присоединено к

этой системе лексическо-фразеологических форм значение — прозвучать, стать слышимым, связанное с своеобразным фразеологическим контекстом.

В горной тишине
Раздался дважды голос странный.

Пушкин

Хор громких соловьев
В густых лесах раздался...

«Толковый словарь русского языка» (III, 1146) считает все эти значения формами одного слова.

Таких грубых, чисто внешних сцеплений разных слов под знаком форм одного слова можно указать в «Толковом словаре» сотни. Но есть случаи более тонкие. Глагол рассесться в «Толковом словаре» определяется так: 1) (несов. *рассаживаться*). Сесть, расположиться, разместиться по своим местам. «Расселись, начали квартет». Крылов. «Расселись зрители и ждут». Маяковский. 2) (несов. *рассаживаться* и *расседаться*). Сесть *непринужденно, развалясь, заняв слишком много места* (разг., фам.). «Ты так расселся, что мне места не осталось». 3) (несов. *расседаться*). Оседая, дать трещины; развернуться. Скала *расселась*. «Туча ливная над ближнею горой *расселась*». Крылов. (III, 1254). Русский человек усумнится в том, что *рассесться* в значении: *развалиться, сесть непринужденно* — имеет форму *несов. вида* — *расседаться* было *приютиться* или: «он *приходил и расселся*». Следовательно, глагол *рассесться* — *расседаться*, выражающий значение — *оседая, дать трещины, развернуться*, представляет собой особое, самостоятельное слово. Его нельзя сливать с разговорным глаголом *рассесться* — *рассаживаться*.

Точно так же едва ли можно включать в смысловую структуру одного слова *рассадить* значение двух омонимов: 1) *рассадить* — *разместить, посадить порознь и посадить реже, разрядить* и 2) в просторечно-арготическом словоупотреблении: *рассадить* — *разбить, рассыпать; сильно поранить*, например, «*рассадить палец ножом*» (III, 1251). Грамматические формы одного слова могут быть *однозвучными* с формами другого слова. Смещение и слияние таких *разнозначных форм* также *извращает языковую перспективу*. Например, *есть слово распеть* — *распевать*, употребительное в арго вокалистов: *упражня, заставить звучать голос хорошо или достигнуть лучшего исполнения голосом* — «*распеть голос*» или «*распеть арию*». Нельзя смешивать с формами *несовершенного вида* этого слова глагол *распевать* в значении: *проводить время в пении, петь непринужденно или не переставая*: «В *избушке, распевая, дева прядет*». В «Толковом словаре» оба слова механически *втиснуты в одно* (III, 1934).

Вопрос о системах форм слов и их исторических изменениях — центральная проблема исторической грамматики и исторической семантики. Изучение исторических передвижений и смещений в системах форм слов может привести к открытию основных закономерностей эволюции семантического строя языка.

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР
BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS

Отделение
литературы и языка

1944, том III, вып. 1

Classe des sciences
littéraires et linguistiques

Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ

1 апреля 1942 г. в Казани скончался член-корреспондент Академии Наук СССР, один из редакторов нашего журнала — Николай Леонидович Мещеряков.

В широких литературоведческих кругах покойный оставил по себе воспоминание как о неутомимом исследователе революционно-демократической беллетристики 60—70-х годов и особенно творчества ее виднейших представителей — М. Е. Салтыкова-Щедрина и Глеба Успенского как идеологов революционной демократии.

«Волнуясь и спеша», Н. Л. Мещеряков много трудился над изучением творческих исканий любимых им классиков, над разъяснением их роли и значения в общественном развитии нашей страны. В своих работах он выступает сторонником того взгляда, что историко-литературный процесс необходимо изучать не только по основным его представителям, а для полноты и убедительности исследования следует брать «окружение» великих писателей, так называемых писателей второй величины, *dii minores*. В сборнике «Семидесятники», изданном в 1935 г. по инициативе и под редакцией Н. Л. Мещерякова, он раскрыл многообразие и художественные достоинства беллетристики 70-х годов, показав, какие ценности таят в себе произведения малоизвестных беллетристов — Н. Наумова, С. Каронина, А. Осиповича (А. О. Новодворского), Ф. Н. Юрковского, давших русским марксистам богатый фактический материал для борьбы и опровержения народнических теорий о крестьянстве, о деревне и пр.

Его внимание привлекали чаще всего новые, сложные и запутанные вопросы. Даже небольшие его работы, например, о Некрасове, представляют ценность в том смысле, что дают новое понимание, новое освещение спорного или не поставленного еще в порядок дня изучения вопроса.

В первые годы после революции Н. Л. Мещеряков выступал в качестве литературного критика в наших журналах («Красная Новь», «Печать и революция» и др.) и центральных газетах. В последние годы жизни Н. Л. Мещеряков с увлечением работал над литературным наследством Писарева.

Значительны заслуги Н. Л. Мещерякова как популяризатора знаний среди широких читательских масс советской Родины. Он был долгодетным редактором журнала «Наука и знание», обслужившего колоссальный круг интересующихся научными достижениями и редактором «Малой советской энциклопедии».

Огромный опыт редактора коллективных изданий привнес Н. Л. Мещеряков в дело академических изданий ряда лет: он нес на своих плечах, как главный редактор, большой и сложный труд по редактированию собраний сочинений Гоголя, Глеба Успенского, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого. Одновременно он выступал редактором коллективных сборников неизданных материалов Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина.

Н. Л. Мещеряков старый большевик, член ВКП(б) с 1901 г. Всю свою жизнь он отдал делу партии Ленина — Сталина; несколько раз арестовывался царским правительством, был сослан на поселение в Сибирь, откуда вернулся в революцию 1917 г. Умер он 77 лет, до конца сохранив живейший интерес и любовь к литературе и общественной деятельности.

Трогательно внимательным был он к товарищам, работавшим вместе с ним. Он умел вдохновлять в работе, а главное привлекать новых, молодых к участию в больших коллективных предприятиях, увлекая своим волнением и стремлением не покладая рук искать новое и расширять горизонт научного изучения.

Беззаветной преданностью партии, родине, горячим и неустанным трудом Н. Л. Мещеряков вдохновлял и открывал тех, кто с ним шел рядом в труде, в поисках научной истины.

Н. Бельчиков

СЛАВЯНСКАЯ КОМИССИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1943 г.

25 августа 1942 г. Президиум АН СССР, по докладу академика Н. С. Державина, принял решение об организации в системе АН СССР Института славяноведения, ставящего своей целью научное изучение славянских народов, их истории, языка и литературы. Впредь до организации института Президиум, учитывая условия военного времени, признал целесообразным для объединения научно-исследовательских работ, ведущихся в АН СССР в области славяноведения, образовать Славянскую комиссию с привлечением к ее работе специалистов — славяноведов и византистов. В заседании своем от 21 декабря 1942 г. Президиум АН утвердил Президиум Славянской комиссии в составе: Председатель комиссии — акад. Н. С. Державин, Заместитель председателя комиссии — акад. С. П. Обнорский; обязанности Ученого секретаря комиссии были возложены на проф. В. Т. Дитякина. Временным местопребыванием Славянской комиссии был определен г. Казань, в августе же 1943 г. комиссия была переведена в Москву.

Поскольку основная организационная работа по учету и объединению лиц, занимающихся славяноведением и смежными с ним дисциплинами, была уже проведена раньше, Славянская комиссия смогла немедленно приступить к работе. Первое заседание комиссии состоялось 8 января 1943 г.; на нем были окончательно оформлены и уточнены задачи комиссии и формы ее деятельности, основные линии издательской и общественной работы ее. Обращение Президиума Славянской комиссии принять участие в ее работе было встречено нашими научными работниками с огромным удовлетворением и готовностью. Удалось провести в Казани 9 научных заседаний, привлеченных довольно значительное количество участников. Начав свою работу в Москве после сентябрьского Общего собрания АН, комиссия провела еще 5 научных заседаний. Общее число научных работников, привлеченных комиссией, в начале 1944 г. достигло 46 чел. (из них членов комиссии — 36); это, в первую очередь, сотрудники различных институтов АН СССР, затем работники Академии Наук УССР, Московского государственного университета, Белорусского государственного университета и других высших учебных заведений Москвы. Среди них: 3 академика, 3 члена-корреспондента, 22 профессора и доктора, 8 старших научных сотрудников, 4 доцента, 5 аспирантов. По специальности: филологов — 13, историков и этнографов — 28, правоведов и экономистов — 6, искусствоведов — 1.

В течение 1943 г. на заседаниях комиссии было заслушано 13 научных докладов и сообщений, охвативших как общие, так и многие частные проблемы славяноведения. Акад. Н. С. Державин сделал два обширных доклада на тему «Этногенетический метод изучения фольклора в связи с исследованием былин об Илье Муромце и Кралевице Марко». Акад. Державин подверг детальному и тонкому анализу указанные выше образы славянского былинного фольклора, ярко отразившие в себе как глубокую самобытность возникновения и развития культуры славянских народов, так, вместе с тем, и общность их. Исследование акад. Н. С. Державина еще раз на конкретном материале подтвердило основную идею советского славяноведения — идею сознания общности культуры славянских народов, идею самостоятельности этой культуры, ее огромной исторической значимости и ее величия.

Акад. С. П. Обнорский сделал обширное сообщение в связи с столетием первого издания Остромирова Евангелия. В этом сообщении он дал развернутую характеристику этого замечательного памятника древнеславянской культуры в области языка и искусства. Особенно обстоятельно акад. Обнорский остановился на анализе элементов руссизма в памятниках. Заключительная часть сообщения была посвящена истории изданий Остромирова Евангелия и научной литературе о нем.

Второе сообщение акад. С. П. Обнорского было посвящено памяти почившего 22 февраля 1943 г. акад. В. М. Ляпунова; подробное описание жизни и деятельности славного русского славяноведа было завершено глубоко проникновенной характеристикой личности его; акад. Н. С. Державин пополнил сообщение акад. Обнорского своими воспоминаниями о 20-летней совместной работе с покойным.

Обширный доклад проф. М. О. Скрипиля — «Повесть о Петре и Февронии и сербская песня о царице Милице и Змее из Ястребца» был посвящен анализу образа Змея — насильника и оборотня — в русском, болгарском и в сербском фольклоре. По 12 основным компонентам докладчик устанавливает поразительные сходства образа, сюжета и даже фразеологии названных памятников древнего литературного творчества двух славянских народов, что неопровержимо свидетельствует о наличии единого для них обоих источника — вполне естественный факт при общности культурного развития обоих славянских племен.

Интересный доклад доцента М. А. Васильева — «Мотивы патриотизма и идея славянского единства у русских поэтов XIX в.» развернул перед участниками заседания богатую, яркую картину развития одного из наиболее значительных идейных устремлений русской литературы. Остановившись менее подробно на всех известных крупных представителях ее, докладчик обратил особенное внимание на менее известных, но тоже весьма значительных по своему идейному содержанию поэтов и писателей (С. Н. Глинка, Крюковский, Озеров, кн. Вяземский, Д. Давыдов, Хомяков, К. и С. Аксаковы, Розенберг, Мей, А. К. Толстой и др.), разработавших эту тему. Специально анализу вопроса об отношении Пушкина к России и специфике пушкинского патриотизма был посвящен доклад доц. Е. К. Бахмутовой — «Пушкин и славянство», которым Славянская комиссия отметила годовщину великого русского поэта. Широко, богато, глубоко, стоявшего в этом отношении выше всех его современников, поэта, сумевшего создать блистательный образ России, великой страны, великого народа и тем особенно близкого нам, хорошо показаны докладчиком в многочисленных цитатах из произведений великого поэта, особенно ярко прозвучавших в переживаемые нами дни.

Проф. С. Б. Бернштейн выступил с обстоятельным докладом «Значение вlaho-болгарской письменности для истории южнославянских языков». Докладчик ознакомил собравшихся с результатами своих исследований над языком валахских грамот XIV—XVI вв., имеющих исключительное значение для истории болгарского языка этой эпохи. Опирирая богатейшими данными, извлеченными из этих грамот, докладчик убедительно показал всю несостоятельность националистическо-шовинистической румынской исторической и филологической науки, отрицающей наличие в истории Румынии «эпохи славизма», длительного и глубокого влияния славянской культуры в прошлом и ее огромного наследия в настоящем.

Из докладов на исторические темы, прочитанных на заседаниях комиссии в 1923 г., выделяется в первую очередь доклад докторанта С. И. Зинича — «Иллиризм в 1848 г.» (глава из диссертации ученую степень доктора). Автор построил свой доклад на разысканных им в архивах Югославии обширных и исключительно интересных материалах по истории крестьянского движения в Хорватии в 1848 г. Исходя из учения марксизма-ленинизма о том, что аграрно-крестьянский вопрос является основным вопросом каждой буржуазной и буржуазно-демократической революции, докладчик подробно осветил на основании архивных документов отношение к этому вопросу вождей иллирийского движения. Много нового и ценного было сообщено докладчиком: по вопросу об отношении народных масс Хорватии в 1848 г. к России. Основные положения доклада о прогрессивности народного движения среди хорватов в 1848 г., об его историческом значении для развития чувства славянской взаимности, идеи дружбы и взаимопомощи славянских народов, поднятия авторитета России и тяги к ней среди южных славян — были приняты всеми присутствовавшими на заседании с огромным интересом.

Аспирант Ф. Т. Константинов сделал доклад: «Грюнвальдская битва как демонстрация боевого единства славянских народов». В результате внимательного исследования источников (в особенности Диугоша) автор обстоятельно осветил три основных вопроса темы: из кого состояло войско, нанесшее такой потрясающий удар тевтонским захватчикам, в чем действительно выразилась роль каждого из союзников и почему, руководясь какими мотивами, каждый из славянских народов принял участие в Грюнвальдской

битве. Доцент Б. Д. Доцюк посвятил обширный доклад анализу «Патриотических идеалов Юрия Крижанича», дав много тонких наблюдений над личностью и мировоззрением славного борца за идею объединения славянских народов.

Проф. М. В. Левченко в докладе об «Императорском домене в Византийской империи в VI в.» нарисовал обстоятельную картину земельных порядков в Византии VI в., с которыми пришлось столкнуться становившимся здесь на ноги славянским племенам.

Кроме научных заседаний, Славянская комиссия проводила большую работу по подготовке к изданию первого тома своих «Трудов»; в настоящее время в распоряжении редакции имеется 20 статей и сообщений, общим объемом в 32 печатных листа. В конце года комиссия, совместно с Всеславянским комитетом, приступила к подготовке справочника «Славяне (народы и страны)», в составлении которого, под непосредственным руководством Председателя комиссии акад. Н. С. Державина, принимают участие акад. Л. В. Шерба, чл.-корр. АН СССР А. М. Панкратова, профессора Т. С. Горбунов, В. Т. Дитякин, З. Р. Неядлы, В. П. Коларов, доц. Б. Д. Доцюк, Л. М. Корман, Н. П. Франич, Р. К. Караколов, Д. И. Влахов, В. Д. Королюк, Ф. Т. Константинов, В. С. Осминин, Д. С. Густинич, С. И. Зинич. Немало статей членов комиссии напечатано в журнале «Славяне», нашей и зарубежной повседневной прессе.

В. Т. Дитякин

Ответственный редактор И. И. Мещанинов

Подписано к печати 25/V 1914 г. Л33299 Объем печ. л. 3 Уч.-изд. л. 4,0
Тираж 800 экз. Цена 6 руб. Заказ 981

6-я типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР.
Москва, 1-й Самотечный пер., 17

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Ленин и русская литература	3
С. П. Обнорский. Разработка русского языка за 25 лет	16
В. В. Виноградов. О формах слова	31

Хроника

Н. Бельчиков. Н. Л. Мещеряков	45
В. Т. Дитякин. Славянская комиссия Академии Наук СССР в 1943 г.	46

Цена 6 руб.

ОТ РЕДАКЦИИ

В «Известиях Отделения литературы и языка» печатаются работы членов Академии Наук СССР (почетных, действительных и членов-корреспондентов) и, по представлению членов Академии, работы, выполненные в институтах АН, а также наиболее значительные труды, подготовленные вне академических учреждений.

Статьи, опубликованные в других советских и иностранных научных органах, не принимаются в «Известия Отделения литературы и языка».

Объем статьи не должен превышать, как правило, 1 авт. листа (40 000 печ. знаков).

Рукописи должны представляться в совершенно готовом для печати виде, хорошо обработанными литературно и подписанными авторами. Авторская правка ни в гранках, ни в сверстанных листах не допускается.

Статьи представляются в редакцию в двух экземплярах, четко переписанные на машинке на одной стороне листа через два интервала. На рукописи следует указывать адрес автора.

Непринятые рукописи авторам не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, комн. 15

